

УДК 338.9+001.83
ББК 65.02+65.9(2Р)-2
С 904

С 904   **С.А. Суспицын. ДЕЛА И ЛЮДИ: к юбилею отдела территориальных систем ИЭОПП СО РАН.** – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 198 с.

ISBN 978-5-89665-301-1

Книга подготовлена в ознаменование юбилея – 40 лет со дня создания отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Ее содержание охватывает период от 1975 г., когда был организован с близким названием нынешнему – отдел оптимизации территориальных систем, – и до последних лет. Изложена история эволюции его организационной структуры, содержание исследований составивших отдел секторов, полный список научных и инженерных работников, работавших в разные годы в подразделениях отдела. Персонально отмечены ветераны, продолжавшие работать в отделе со дня его основания, приведены научные биографии его руководителей, воспоминания отдельных сотрудников о наиболее интересных событиях их жизни в этот период.

Представлены основные научные результаты, принесшие широкую известность новосибирской школе региональных исследований. Приведена библиография основных публикаций сотрудников отдела. Выделены наиболее сохранившиеся в памяти крупные прикладные работы, выполненные в отделе на основе разработанной методологии и методик регионального анализа и при тесном контакте с большим числом проектно-плановых организаций разного профиля и органов управления. Перечень внешних партнеров представляет самостоятельный интерес для характеристики глубины проработки этих проектов.

Заключительный раздел монографии посвящен памяти первых руководителей подразделений, образовавших отдел на начальном этапе, и являет собой благодарное эссе в их честь.

УДК 338.9+001.83
ББК 65.02+65.9(2Р)-2

ISBN 978-5-89665-301-1

© ИЭОПП СО РАН, 2016 г.
© С.А. Суспицын, 2016 г.

5. НАШИ ДЕЛА В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ

При подготовке книги мне в руки попался сборник интервью с сотрудниками Института, подготовленный в 2009 г. Е.А. Марчук и А.С. Маршаловой¹. Умелая работа интервьюеров вылилась в живые зарисовки времени, событий и себя в них. Активными участниками этого опроса были 5 сотрудников нашего отдела. Мне представилось полезным использовать этот материал в нашей книге как еще одну возможность донести до читателя атмосферу тех лет. Единственное вмешательство в оригинальные тексты меня, как автора и редактора книги, коснулось воспоминаний В.И. Сулова и В.Е. Селиверстова, из которых были использованы лишь фрагменты, непосредственно связанные со временем их работы в отделе.

5.1. Будем надеяться, что самые грандиозные дела у нас будут впереди

Ершов Юрий Семенович
с.н.с., сектор межрегиональных
народнохозяйственных проблем

– Говорить о самых лучших достижениях в далеком прошлом смешно. Поскольку в то время наши возможности были намного меньше, чем сейчас. Это означало бы, что мы тогда умели больше и работали лучше, чем в настоящее время. Будем надеяться, что самые грандиозные дела у нас будут впереди.

– Тоже верно!

– Поначалу, как вы знаете, у нас институт занимался больше такой наукой, когда на первом месте алгоритм, программа, теорема, лемма, доказательство. А уже с 80-х годов, где-то с середины, я уже непосредственно сел на генеральную линию тех прогнозов, которые выполнялись в нашем институте – это отраслевой и региональный разрез народнохозяйственных тогда еще планов и прогнозов, а сейчас просто прогнозов. В этой большой работе, значит, уже сколько? 24 года сижу я на этом деле. Больше никого, конкурентов по такому стажу у меня нет.

---

¹ Это было недавно, это было давно. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2009. – 388 с.

Поначалу, естественно, был контроль со стороны высокого начальства – Селиверстова Вячеслава Евгеньевича, который лично просматривал темпы и пропорции, указывал, как их надо поменять. Ну, а в настоящее время уже 100-процентное практически доверие, никаких корректировок, никаких исправлений, все идет один к одному. То есть в этом, можно сказать, достигли такого уровня высокого, или невысокого, не знаю, может быть, это минус для руководства, что оно не контролирует, не предлагает, не оценивает.

Но сейчас у нас оценщики другие. Последние годы – вот уже четвертый год идет, даже не четвертый, уже шестой – главным оценщиком нашей работы является министерство экономики, а в 2003 г. это было министерство транспорта, когда оценивались последствия удвоения валового внутреннего продукта в части нагрузки на транспортную систему. Вот с 2003 г. уже началась плотная работа непосредственно по теме долгосрочного прогнозирования нашей экономики в территориальном и отраслевом разрезе. Уникальность этой проблемы заключается, прежде всего, в том, что сейчас нет другой научной организации, судя по публикациям – из тех, что есть, – которая бы в таком вот аспекте занималась этими вопросами. Поэтому нами и заинтересовались там, наверху, поскольку просто прогнозировать ВВП, инвестиции, а больше ничего это слишком большой простор, а проверка на достоверность, состоятельность там исключается. Она получается только, если пытаешься развернуть этот план по отраслям, по регионам. То, что делают в других Институтах – это в основном на уровне макропоказателей, сводных, с использованием преимущественно эконометрических моделей, т.е. продолжая существующие тренды. А такая методика имеет массу внутренних пороков. Об этом сами специалисты этих методов знают, но зато компактно, удобно, быстренько можно все поменять.

Последние годы разрабатываем прогнозы на 2015 г., на 2020 г., на этот год впервые поставлена задача по разработке прогноза уже на 2030 г. К сожалению, и с министерством не получается двустороннего обмена. В том смысле, что теоретически и практически их информационные возможности намного больше, чем наши, но люди заняты на 100% с лишним оперативной текущей работой, и вникать им во все это практически невозможно. Поэтому они принимают то, что есть, практически на 100%, а если им что-то не нравится, просто предлагают дополнительно ответить на какой-то вопрос, или постараться изменить, но ни разу за эти три последних года не было прямого опровержения, что наши гипотезы о территориальной структуре распределения спроса или численности занятых неверны. Либо просто нет собственных достоверных, как они считают, прогнозов, либо в таком случае приходится соглашаться с нами.

Здесь хитрая вещь такая работает: могу сочинить сам, а могу сослаться на кого-то. И вот, когда ссылаешься на кого-то, это поднимает статус вывода. То есть я не сам придумал, а на кого-то сослался. А тот, видимо, работал, считал. Как он считал? Как это делал? И вот для них это тоже, наверное, какая-то опора, что не просто там сочинили, а еще и научная организация, используя ту предоставленную информацию, что-то сделала. Аналогия некоторая с ответом на вопрос: два человека выписали друг другу векселя. Знаете, зачем они это сделали? Друг на друга на одинаковые суммы. Это для студентов вопрос. Вроде бы догадаться трудно, но, вообще-то им нужна наличка. А как ее получить? Одно дело, ты приходишь в банк, и просишь: «Дайте денег». Другое дело, ты приходишь учитывать вексель: «Вы видите, мне должны». Передается долг банку. Хотя по сути одно и то же.

– Но это больше похоже на американскую ситуацию. У нас, наверное, такая игра с векселями невозможна? Или у нас тоже скоро будет?

– Нет, вряд ли. Там, где выписывают векселя, должна быть кредитная история этого векселедателя, а у нас-то этих историй практически нет. Поэтому вряд ли они получают распространение. Но, тем не менее логика в этом есть – что это кто-то делал. А раз он это делал, значит, он что-то там искал, он пытался обосновать и т.д., а не просто, вот я сел и придумал.

Вот такую роль, мы для них, по-видимому, и играем. Ну, а сами эти люди просто в силу загруженности текущей работой просто не имеют ни времени, ни сил для этого. Ну, а математический аппарат вообще невозможно внедрять в недра министерства. Это уже проверено. И, видимо, никогда такого не будет. Потому что это только когда мы пишем свои отчеты, мы можем написать такие фразы: созданное программное обеспечение позволяет легко и просто даже не очень квалифицированному пользователю менять, изменять структуру, изменять информацию и т.д. На самом деле это не так. Каждый раз при перестройке какой-то структуры регионов, отраслей проводится дополнительно большая работа, в том числе и по части программного обеспечения. Но на первом месте, конечно, информационная часть – она по трудоемкости всегда стоит на первом месте. А в таком режиме, используя модели затраты–выпуск, у нас редко кто работает. Таких и в советские времена организаций было мало. Это госплановский институт союзный был, наш и несколько других, которые проводили частные исследования. Ну, а сейчас в научном плане это направление только-только начинает подниматься. А в мире, на самом деле, этот подход не забыли. Вот представляли доклад в Стамбуле, Лариса Викторовна Мельникова ездила. Так вот, она там была одна, единствен-

ная, из России, в то время как там было несколько сотен участников. А из России был один наш доклад. Там представлялись модели типа затраты–выпуск. Не обязательно региональные – более широкая тематика там была. А из некоторых стран там было по 30, 20, 15 человек. То есть активно этим занимаются. Но в основном они занимаются анализом сложившейся ситуации. Китайцы, японцы, бразильцы. В Европе тоже. А вот для целей долгосрочного прогнозирования или даже среднесрочного – никаких признаков в литературе, опубликованной в этих докладах, ничего не было. Так что здесь мы впереди, по крайней мере, хотя и очень малым числом по сравнению с теми западными учеными, да и восточными, особенно, которые используют эти модели в своих исследованиях.

– А как они их используют?

– Можно посмотреть сборник докладов. Правда, там все на английском. Но используют просто для целей анализа. То есть они, так же как и мы, просто строят региональные балансы. Потому что у них тоже, если существует отчетный баланс, то в целом для страны, и необходимо его регионализировать, они разрабатывают свои методики. Многие элементы схожи с тем, что мы используем. И пытаются отвечать на те же самые вопросы, на которые мы еще в 80-е годы отвечали – взаимосвязь региональных экономик, взаимное их влияние друг на друга. Это тоже очень важно. Уделяют этому мало внимания. Когда реализуется крупный проект где-нибудь под Санкт-Петербургом, на экономику каких регионов это оказывает влияние? В основном там же. Потому что ни из Сибири, ни с Дальнего Востока поставок туда не будет. Ни оборудования, ни материалов. Если же проект в Сибири или на Дальнем Востоке, то обязательно будут поставки техники, оборудования, материалов из западных районов. Тут уже связь совсем другая. Это один из аргументов в пользу приоритетов вложений в восточные районы. Это одновременно грузит и экономику западных районов. А вот обратного нет. Вот такая у нас специализация.

Со временем, потихоньку, многие идеи доходят даже до умов чиновников. В последнее время у нас в стране имел место период экономического волюнтаризма на фоне бурных, очень высоких темпов последних лет. Естественно, было желание продлевать такой же тренд, не думая о том, почему это все-таки происходило. А причины-то понятные: инвестиции быстро росли, потребление росло, а собственное производство росло медленнее. Это происходило по причине ежегодного улучшения внешнеэкономической конъюнктуры. Если ее закладывать и дальше, тогда да. А если не закладывать, на что сейчас собственно нет никаких оснований, – почему должны сохраняться такие высокие темпы? И при таком трезвом просмотре, естественно, наибо-

лее вероятная линия – это снижение темпов роста, пусть и медленно-го, но постоянного снижения, если брать гипотезу ухудшения или даже сохранения стабильной внешнеэкономической конъюнктуры.

Вторая особенность наших чиновников – это чрезвычайно бурная реакция на краткосрочные изменения. С этим мы столкнулись в прошлом году, когда им вдруг потребовалось делать прогноз электропотребления. А там была морозная зима, и потребление электроэнергии выросло на 4,5%, а по итогам полугодия чуть ли не на 5%. Естественно, стали думать сразу, что дальше так оно и будет. Естественно, при трезвом подходе пришлось их разочаровать, и уже такие цифры они в прогнозы не закладывают. Может быть, это такое невидимое, косвенное влияние? А так прямо по телефону из министерства звонят: «Как? Уже вот 5% будет вот в этом году! А вы там заложили среднегодовой рост 3% всего». Практика показала, что после холодной зимы идет теплая, там прирост мизерный, а потом, естественно, больше. А у них чрезвычайно чуткая реакция на все эти новации. То же самое касается демографической ситуации. Наверняка будут радикально пересматривать прежние прогнозы, чтобы не идти вопреки президентским установкам.

Но есть еще нерешенные вопросы, конечно. Идеологические, принципиальные. Вот сколько мы с ними пока ни бьемся, победы нет. В своих прогнозах министерство закладывает возможность, и считает, что это вполне реалистично – выход нашего торгового сальдо в большой минус. На вопросы – откуда будут браться доллары, пополняться резервы центрального банка, рублевая масса – отвечают: «К нам придет частный капитал иностранный. Все это компенсирует с лихвой». Но у нас никогда, даже в самые трудные годы не было отрицательного торгового сальдо. Если бы это было бы удобно, можно было бы заключить с ними пари, что не будет у нас отрицательного торгового сальдо. Они пока эту точку передвинули на 2011 г., на 2012 г., а раньше она была на 2010 г. уже представлена.

То же самое касается цен на нефть. Мы всегда исходили из позиции, что они не будут падать в долгосрочной перспективе, а министерство закладывало довольно быстрое сильное падение на перспективу. Ну, так трезво мыслили. Теперь тоже подняли в своих прогнозах с 35 до 65, но все равно – со 100 до 65 предполагают падение. То ли это перестраховка, то ли что? На всякий случай?

– **С 35 до 65 – это за какой период?**

– В их прогнозах двухлетней давности предполагалось, что цена на нефть опустится, вернется, ну, не на старые 20 долларов за баррель, а на 35–40 и так далее. Сейчас у них уже 65–70.

– Но в этом плане может быть хорошо, что осторожничают?

– Но из этого вытекают и другие последствия. Почему так стремительно развивается Центральный федеральный округ? В основном за счет Москвы и Московской области. Там же ничего нет, нет сырья, демографическая обстановка – одна из самых худших. Если бы не было миграции, то численность населения там быстро бы сокращалась. В то же время они стали поставщиками электроэнергии, то есть у них положительное сальдо. Как-то нелепо так. Тоже ведь отстаивают, что именно в Центральном федеральном округе наиболее высокими темпами будет развиваться промышленность и так далее. Может быть просто потому, что они живут там?

Когда А.Г. Гранберг просил провести, так называемый, коалиционный анализ – оценку взаимозависимости регионов (что будет, если отрезать один регион от других, или группу регионов от других), то, естественно получилось, что Центральный федеральный округ в самом плохом положении – при изоляции от других регионов. Это вполне естественно – там топлива нет никакого. А.Г. Гранберг сказал: «Это им не передавать».

– Почему?

– Ну, обидятся.

– Ну, как-то напугать-то надо?

– Это не пугание. Никто же не предлагает обособиться и так далее. Это чисто научное исследование. Выводы такие: все успехи Москвы, Центрального округа, обусловлены именно тем, что происходит в других регионах.

– Но надо же показывать значение Сибири! А то, говорят, было уже высказывание, что если бы не Сибирь, Россия развивалась гораздо быстрее. Это как же она бы развивалась? Все ресурсы-то в Сибири!

– Это чепуха. Могу напомнить строчку из собственного стихотворения, которое было давно уже, еще в первой половине 80-х годов. Там я как бы условно цитирую, перевожу на стихотворение фразы наших выдающихся ученых, типа А.Г. Аганбеяна. Фраза была, например, такая:

*Прямо скажу: без Сибири смерть,
Иначе не ставлю вопрос,
Определяет Сибирь на треть
Всей экономики рост.*

Это буквально слова А.Г. Аганбегяна, которые он говорил студентам на семинаре. А сейчас он изменился, говорит другие слова: что если бы не вложения в Сибирь, то в целом было бы гораздо лучше. Об этом можно долго говорить – откуда берутся все доходы Центрального округа. Все отсюда. Из Сибири, но в классическом понимании – с Тюменью и со всем остальным.

Вот, пример Москвы нам показывает, как при одной и той же квалификации рабочей силы, при одной и той же технике и технологии – совершенно разные душевые уровни ВРП. Там, допустим, в 4 раза больше, чем у нас. А у нас все то же самое. То же образование, те же компьютеры, те же автомобили. Но вот почему? Этот пример нам показывает одну из важнейших причин различия в уровне жизни между так называемыми передовыми странами и остальной частью мира. То есть они связаны не только с образованием, квалификацией, технологией, а в значительной части с перераспределением на правах собственности этих доходов. У нас в миниатюре – это пример Москвы.

Пришлось пересмотреть многие наши старые концептуальные положения. Одно из известных накануне 90-х годов – это что будет, если перейти на расчет между республиками на мировые цены. Также, теоретически, можно продлить, – между регионами. Естественно, полагали, что, как только мы внедримся в мировую экономику, приблизим наши цены к ним, то выиграют те регионы, цены на продукцию и услуги у которых относительно подскочат. На первом месте была, естественно, Сибирь. Тогда еще не округ, а Сибирь. Но оно так было года 2–3. Действительно, увеличилась доля, где была цветная металлургия или уголь, нефть. А потом все пошло сдвигаться в сторону Москвы. Достаточно быстро.

– А как это получалось?

– Была такая гипотеза, что вся выручка достается региону-производителю. Если мы заложим такую гипотезу, что всю выручку от продажи нефти и газа получает Тюмень (кроме тех затрат, которые необходимы для транспортировки, – это нормальные затраты), то будут совершенно другие территориальные пропорции.

– А что происходит через 2–3 года?

В начале 90-х, когда произошли изменения в структуре, то, естественно, повысилась доля Красноярска, Иркутска, Кемерово, Тюмени сильно, а упала доля Омска, Новосибирска, Алтая – другая структура цен и спроса, и внешнего спроса нет на нашу продукцию. Это была ложная гипотеза, что все доходы получает производитель товара. На самом деле, он может получать только часть, а основную часть получают головные фирмы.

И когда все это смотришь, там массу интересных вещей можно находить. Вот в 2006 г. ВРП в Омской области вообще не вырос. Почему? Это на омичах никак не отразилось – на их доходах, жизни. Благосостояние продолжало расти. А Сибнефть переехала в Питер. И регистрация ее доходов стала осуществляться там. То есть пострадал только Омский бюджет. А все остальные частные показатели продолжали расти: и товарооборот и зарплата. А мы привыкли мыслить традиционно: что душевой ВРП – это главное. Он напрямую связан с потреблением, с уровнем жизни. А такой зависимости давно уже нет. Хозяин может жить совершенно в другом месте. Там и потреблять. А регистрация идет по месту прописки головной конторы. Там самые большие деньги и крутятся. Причем, именно вся добавленная стоимость и даже чистый продукт. А тут связанные мат. затраты, амортизация и все такое.

Ну, здесь масса интересных вопросов возникает. Начинают соглашаться. Допустим, первая большая критика была – почему у вас так мала территориальная дифференциация? Межокружная дифференциация темпов роста. Вроде бы возникает вопрос – а за счет чего она должна быть высокой? Каждый регион представляется как перспективный – либо с этой позиции, либо с этой. Но вот 3 года прошло, видим, что территориальная дифференциация уменьшается все-таки. То есть тоже была верная гипотеза.

Когда на перспективу-то закладываешь, мыслишь категориями среднегодовых темпов, годовые будут колебаться. Даже погода на них влияет. Поэтому один или другой год ни о чем не говорит. Поэтому, наверное, сближение этих темпов и будет. Что немножко радует, что мы одна страна. Как-то в пользу этого работает. То есть основные факторы у нас народнохозяйственные. На местах практически влиять на эти темпы нельзя. Так, символически, может быть.

Наш губернатор В.А. Толоконский об этом прямо сказал – я осенью присутствовал на одном из заседаний – от меня мало что зависит, я буду губернатором, или кто другой будет. Все зависит на 90% от народнохозяйственных и внешних факторов, а не от какой-то там региональной политики, манипулирования бюджетными средствами или другими механизмами. Так что А.Г. Тулеева можно посадить в Горный Алтай – ничего там не изменится. А когда он сидит в Кемеровской области, естественно, другие доходы, другие деньги.

Штука интересная. Но борьба всегда идет с чиновничьими постулатами или предрассудками, или этими постулатами навязанными. Они вынуждены подчиняться каждому слову президента, премьер-министра. И слишком чувствительно и быстро на все это реагировать. Вся ситуация, правда, осложнилась: в эту область залазит министер-

ство регионального развития. Т.е. оно пытается расширить свои полномочия по сравнению с тем, что было раньше. Раньше у них было ЖКХ, то-се, но это все мелочь. А теперь они непосредственно хотят быть соавторами долгосрочной концепции, т.е. того раздела, который относится к территориальным пропорциям. А у них совершенно другой язык, другие люди, другие методы. Но не знаю, что будет.

Последние годы стало интереснее. Потому что, когда шел кризис, аппарат был мало востребован. Потому что он не может моделировать кризис. Как такое? Те же люди, те же фонды, и вдруг произвели меньше? То есть динамику денежной массы, все эти финансовые штучки, которые вызывают современный кризис, наш аппарат не моделирует. А когда уже идет по восходящей, там все больше и больше начинает определяться производственным аппаратом, численностью занятых, производительностью труда. То есть тем, что учитывается в этих расчетах. И здесь совершенно другое уже отношение, совершенно другой интерес.

Мы же в 2003 г., вопреки воле президента, когда работали, правда на Минтранс, единодушно согласились, что за 10 лет удвоение ВВП быть не может. Правда, тогда еще не знали, что мировые цены на топливо будут расти. Если бы знали, то могли бы сказать, что, если все это расходовать, а не складировать в стабилизационный фонд, то можно удвоить. По показателям потребления уже превзошли эту планку удвоения. А как это обнаружилось-то? Смотрим возможности каждой отрасли. Там – энергетическая стратегия – серьезный документ, все, верхние пределы ограничили. Там – то-то, то-то. Ну, если грубо, так упрощенно говорить, то надо, чтобы машиностроение развивалось по 15% в год. Ну, Виктор Андреевич Бажанов, конечно: «Такого быть не может!». Остановились даже на 8%, и никак не выходим на удвоение, 1,8–1,85 раза. Вот так вот. Но тоже оказалось правдой. Не будет за 10 лет удвоения. Ну, с того момента, как мы начали. А за счет того, что конъюнктура улучшилась, будет не 1,8, а, может быть, 1,9.

– А сейчас в неизменных ценах считают? ВВП в сопоставимых ценах должно быть?

– И сейчас тоже считают в постоянных ценах. Только сейчас база постоянно меняется расчетная, потому что в неизменных ценах какого-нибудь 1995 г. или 2000 г. – это как-то уже непонятно и бессмысленно. А в советские времена-то очень долго считали в ценах какого-то года: строительство – в ценах 1990 г., 1982 г., сельское хозяйство – в ценах 1983 г. И могло быть – лет восемь-девять они не меняются. Сейчас такого нет, потому что очень быстро идет изменение относительных цен. И будет просто непонятно, уже привыкли мыслить, как прошлый год – текущий год. А какие там цены были в 2000 г., когда

сотовая связь была жутко дорогая. И мобильники тоже. Если мы в тех ценах начнем считать, то у нас по позиции связи будет гигантский скачок. Удельный вес будет огромный.

– И как же ВВП вы считаете?

– Речь идет о сопоставимых ценах. В текущих ценах у нас уже давно все перекрыто, всякое удвоение. Именно в сопоставимых ценах идет расчет. А промышленность отстает, потому что сейчас вот последние годы, все это десятилетие, развитие экономики имеет такой потребительский характер. Темпы роста потребления намного превосходят темпы роста отечественного производства. Если бы еще весь этот стабилизационный фонд расходовали, тогда разрыв был бы еще больше. Ну, потребление – в широком смысле. Это инвестиции и потребление домохозяйств. Только в этом случае так возможно. Если не будет улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, то так не может продолжаться, естественно. Тогда надо хотя бы одинаковые темпы. А если будет ухудшение, и мы хотим улучшить еще сальдо, то надо, чтобы производство росло быстрее, чем потребление.

А сейчас у нас еще и новая статистика. С ней, вообще, намного сложнее работать, чем со старой. ОКОНХ. Там такие штучки выдаются, где надо еще массу проблем решить в научном плане даже. Например, есть ли в Москве добыча полезных ископаемых? Есть такая отрасль агрегированная. Ну, нет, вообще. Так, оказывается, ее там больше, чем во всем Центральном федеральном округе, включая Курскую магнитную аномалию – по статистике. Так вот насколько-то там миллиардов, сотен миллиардов рублей Москва производит добычу полезных ископаемых.

– Это за счет головных организаций?

– Не только. Просто теперь в состав этой отрасли включили какие-то услуги в этой области. Например, услуги в области нефтедобычи. Что это такое? Не расшифровывается. Это еще надо разбираться. Сама нефтедобыча – в других местах. На каких-то основаниях московские какие-то фирмы получают деньги за то, что они оказывают кому-то где-то какие-то услуги. Это не обязательно головные конторы. Нефтедобывающие компании там или прочее. Хотя они теперь тоже стали промышленностью. Раньше это была общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка, а теперь это промышленность.

Вот в той же Омской области, где огромное влияние играла «Сибнефть», доля торговли в структуре валового регионального продукта была 50% по старому классификатору. Теперь у них, по новому классификатору, только одна обрабатывающая промышленность

больше 50%. Ну, это когда еще «Сибнефть» там сидела, и перешли на новый классификатор. То есть все доходы головной конторы – это тоже теперь промышленность, обрабатывающая причем. То есть не только основные цены предприятия, но еще и это. Так что радикально быстро все меняется. И привыкать к этому еще много лет будем. К этой новой статистике. С ней работать сложнее, чем со старой.

– Юрий Семенович, я поняла, что с Вами можно сразу написать целую книгу в этом направлении. Сейчас я хотела бы получить небольшую справку о том, что вы делаете, что вы можете, как это получается?

– Все равно хорошей методологии-то у нас быть не может. Я вот говорю, что лучше всего мы работали в 2003 г. Тогда собрали институтовских отраслевиков – какие есть. Им был поставлен прямой вопрос: каковы возможности развития каждой из отраслей? Там был Виталий Михайлович Соколов – все знает про цветную металлургию. В.Н. Чурашев, В.А. Крюков, и т.д. Они все рассказали. Где-то были официальные документы. Теперь у нас круг этих отраслевиков сужается. Некоторые отрасли вообще не закрыты, и никогда не были закрыты. Может быть, и не везде есть и необходимость такая. Это, так называемый, прямой метод. Он требует, действительно, знания объекта. А эконометрика – это в каком-то смысле орудие слепых. Например, если вы знаете, что у машины четыре колеса, а пятое – запасное, то вы можете напрямую определить связь между наличием машин и потребностью в резине – средний пробег, и все прочее. А если вы этого не знаете, и кто-то вам просто поставил задачу – определить связь, то вы, естественно, изучаете только тренды ретроспективные, и можете просто их продолжать вперед. Ну, другого нет. Это единственный способ эконометрического исследования.

Либо аналогия. Ну, какая у нас может быть аналогия с западными странами? Тоже большие дефекты. Что будет, если мы выйдем на их уровень жизни? Какая будет структура потребления? Совершенно другая будет, не такая, как сейчас у них. Так ведь? Кто мог предположить, что у нас на связь будут тратить больше, чем на транспорт?

– Никто.

– А теперь население уже в этом году будет тратить на связь больше, чем расходы на транспорт пассажирский. И что там дальше будет? А таких вещей достаточно много.

– Что-нибудь в заключение. Что мы можем? Что не можем? Что мы хотим?

– Можем мы что угодно. Мешает нам отсутствие кадров. В нашем деле кадры растить невозможно. Как вот раньше? Приходит хороший ученик, закончит ВУЗ – он сразу может программировать, сразу решать или математику применять – алгоритмы изобретать. Это можно делать сразу. То есть все необходимые исходные данные у него уже есть. В старости уже редко изобретают алгоритмы. Типичный путь советского руководителя – бригада, цех, завод, главк, потом отрасль. Сейчас, конечно, каждый может прыгнуть сразу в премьер-министры. Хотя это не совсем правильно. Но по Конституции – все должны быть равны. А на правах собственника – что угодно можно.

– Юрий Семенович, вы уже немножко рассказали, а какие еще условия помогают Вам в работе?

– В последние годы у нас сильно возросла информационная поддержка, благодаря Минэкономразвития. Они нам фактически дают все, что у них есть. Все формы более дробные, чем то, что публикуется, правда, разбираться в них во всех надо много времени. Но, все равно, такой прямой доступ к информации есть. Есть к прогнозным материалам, в том числе к тем, которые они получают с мест – это в основном краткосрочные прогнозы. Но тоже плюс какой-то.

Единственное, что они скрывают – это как они все это делают. Как они делают свои прогнозы, хотя бы на уровне макропоказателей. Нигде это не описано. И ответов на прямые вопросы – как получены эти цифры – естественно не дают.

Ну, и у нас тоже есть много вещей, когда надо, как это принято говорить, – экспертная оценка: я так думаю. Это ни по какой формуле не посчитано, ничего, а просто – экспертная оценка.

Они – это, вообще-то, солидная контора, они мыслят более-менее реалистично. Поэтому они 8–9% ставить не могут. Лучше они наоборот сделают. А потом подкорректируют в большую сторону. А наша задача – ну, в таком вот виде, если примитивно вопрос сформулировать, то – какими могут быть темпы развития регионов и соответствующих отраслей в них, если в целом по России будут достигнуты вот такие-то темпы? То есть наша задача – отраслевая разверстка и пространственная. Так, чтобы сильно не противоречить, не отходить далеко от общеминистерских сводных показателей. То есть сверху вниз. А не так, чтобы снизу вверх – сели мы, придумали динамику трудоемкости, капиталоемкости, сложили – обязательно получим чушь. Так было и в 80-е, и 70-е годы. Это было ужасно, когда Н.В. Бобылева сидит, сочиняет трудоемкость, Н. Анфимова маракует структуру конечного потребления, кто-то еще что-то, потом они все это мне дают, я это ставлю в задачу. Бывает даже так, что это все несовместно. Все же друг с другом связано. Они – единственные специалисты, которые хо-

рошо могут исследовать ретроспективу, объяснить, что и как, а потом надо вместе все это связывать. Так, чтобы взять один параметр и поменять, не меняя других – это невозможно. Даже если мы зафиксируем сейчас уровень доходов – ну, по какой-то причине он не будет расти, вот так, в сопоставимых ценах – структура все равно же будет меняться. Что-то будет уменьшаться, что-то будет увеличиваться. Какую-нибудь связь оригинальную придумают. Обязательно кто-то придумает.

– ***Хорошо. Информационная поддержка. Что еще помогает?***

– Руководство большое – оно помогает пробивать заказ. Тут А.Г. Гранберг на первом месте. В большей степени в этом заинтересован он сам, Гранберг. Он это считает своим детищем. Он – председатель СОПСа, а заказы на эту работу идут через СОПС. В прошлом году один заказ прошел напрямую в институт, но опять же – в этом помог Гранберг, он вовремя обнаружил, что объявлен конкурс на такую-то тему.

– ***Что еще помогает?***

– Госкомстат сильно сейчас помог – он открыл доступ, теперь без шифров и паролей можно все справочники скачивать.

– ***Для института?***

– Почему? Для всех. Они, видимо, решили так: раз все равно в их коммерческий отдел приходит очень мало людей, там мизерная выручка, а тут, ради престижа, открыть свободный доступ – теперь все справочники можно скачивать в любом месте страны через Интернет. А раньше надо было либо знать какие-то пароли, либо покупать. А круг-то потенциальных пользователей этой информации очень маленький – немножко ВУЗы, а еще небольшое количество научных организаций. Кто еще эти справочники читает, изучает?

– ***Юрий Семенович, какие личные качества Вам помогают в работе?***

– Консерватизм, наверное, а то бы давно уже поменял место работы. Тематику или еще чего-нибудь. Консерватизм может быть и хорошей чертой. Если бы мы работали так, как пишут – якобы на западе есть такая идеология, что там ученый, или кто-то другой должен постоянно менять место работы. Лет 5 проработал, потом в другом месте, а потом в другом, то ничего бы этого не было бы.

– ***Я думаю, что это важно, скажите.***

– Разрушение началось фактически с конца 80-х годов. У нас же главным решальщиком был коллектив: Мелентьев, Бобылева, еще кто-то с ними. Потом, уже при мне, когда я был студентом, Чернышев исполнял эту функцию. Мы даже называли эту задачу задачей Чер-

нышева. Ну, тот вариант, который был основной. Потом его повесили, переведя в отраслевой отдел, потому что там была ставка. И так далее – как что, у нас начинают кадры забирать, а новых нет, потому что... понятно. Их сейчас нигде нет практически. Может быть, со временем, если пройдет третий этап изменения зарплаты, может быть, кто-то и пойдет сюда.

– Я имела в виду личные качества, наверное, образование помогает.

– Ну, образование – это конечно. Решать ОМММ для человека, который наш факультет не закончил, со стороны, – это не получалось никогда. То есть этим делом непосредственно занимались только наши выпускники. Конец 80-х, начало 90-х, мы еще работали с уральцами, там И. Гимади был – это же наш выпускник? В Красноярске делали модель с Красноярским краем. Ну, Н. Шишацкий – наш человек, тоже все понимает, технологию, сам считать умеет. На Дальнем Востоке Н. Михеева была – тоже наш человек, считала. А взять кого-нибудь из другого ВУЗа, где этого всего не проходили, не вникали, то очень долго нужно учить, и все равно не будет этого чутья. Задача несовместна – где найти ошибку? Не просматривать же всю матрицу по буквке от начала до конца. Надо знать признаки, по которым можно найти место, где, скорее всего, и именно точно там, эта ошибка находится. Но сейчас у нас тоже немного хуже стало, по-моему, сузили все это. Курс моделей теперь не в таком виде, как был. Хотя возможности компьютеров на порядки выше, чем в наши времена, когда мы все писали на Алголе, да на Фортране что-то делали. По-моему, они сейчас даже «Полигон» не решают – модель такая маленькая. Там типа 6 отраслей, 3 района. Она использовалась в обучении студентов. А сейчас, по-моему, даже этого нет. Может быть, это временный такой перерыв. Но число часов резко сократили по этой части.

– Получается, что осталось уже мало народа, который умеет настоящие модели считать?

– Почти вся молодежь специализируется на эконометрике. То есть там, в десять раз больше, чем тех, кто пишет дипломы или курсовые на таком классическом подходе. Большинство, особенно умных студентов, почему-то выбирают эконометрическую тематику. Они идут по этому направлению на кафедре мат. методов. Конечно, она самая популярная в мире. Хотя их посадить очень легко можно. Я сколько раз присутствовал – кто-нибудь сочинил метод, анализ – что было бы, если бы я использовал этот метод, играя на бирже, то разбогател бы моментом. Первый же вопрос задаешь: «А этот метод секретный?» – «Нет». «Ну, а если все начнут им пользоваться? В среднем же в нуле

всё будет? Всё!» Другое дело, если бы метод был секретный. Но тогда, как бы вы тут защитились, если бы метод был секретный? А если он не секретный, то все будут так действовать.

– **Какое-нибудь пожелание скажете?**

– Кому?

– **Нам всем. Работающим в институте. Или работающим в экономической науке.**

– Ну, пожелание только одно – как можно больше уцелеть. Чтобы тот процесс, который сейчас идет, негативно-позитивный, в конце концов превратился в позитивный. Конечно, у нас в институте уже никогда не будет той численности, того возрастного состава, который был раньше. Но это было обусловлено спецификой, которая была раньше. На первом месте – мат. методы. Помните же? Один математический отдел – сколько там народу было? А когда речь шла о содержательном процессе, там на первом месте были люди постарше. А тогда время было дикое. В каком смысле, это моя точка зрения – тот, кто не знал, что такое двойственные оценки переменных, тот считался дурачком. А если знаешь, то мог очень быстро вырасти на этой волне – мат. методах. Ну, и часть квалифицированных людей, эрудированных, много знающих, от этого, конечно, пострадало. Ну, сейчас уже, я думаю, не такой подход. Не в первую очередь надо знать, что такое переменная двойственной задачи или метод наименьших квадратов. Все-таки на первом месте должно быть знание фактуры.

– **Некоторые фактуру знают, а что с ней делают? Сами же говорите – используют эконометрические модели.**

– У меня к ним большое недоверие. И у нас есть уже матерые специалисты по эконометрическим моделям. Сам Виктор Иванович, Наимжон Ибрагимов. Но как только дело доходит до практических задач, все это сразу в сторону. Ничего там хорошего не получается. Вся эконометрика – это экстраполяция того, что было раньше, или было у других. А значит, это очень ограниченный инструментарий.

– **Так, получается, нужно сейчас учить математике?**

– Дело тут не в том, чтобы учить математике. Наша задача в том, чтобы все это вместе было непротиворечиво. Вот так модель и складывается, и сумма выходит на то, на другое, на третье. А если каждое считать в отдельности, то потом сложишь – чушь получается.

5.2. Мы были пионерами в этом деле

Зайкин Вячеслав Сергеевич
ведущий научный сотрудник

– Вся моя деятельность в институте была связана с разработкой программ, вариантов развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. В этой связи были задействованы различные модели, методы и т.д.

Специфика работы в начале 70-х годов заключалась в том, что нам давали задание в Госплане Российской Федерации, а затем в ЦЭНИИ при Госплане, когда там стал директором Владимир Потапович Можин. Тематика была совершенно различная по своей направленности, глубине проработки. Конечно же, приходилось привлекать научные силы многих подразделений Института, потому что одному, как говорится, трудно было справиться с таким объемом работ. Причем каждый год направленность, потребность в исследованиях были очень разными. Например, варианты развития на долгосрочную перспективу. Далее, научно-технический прогресс в экономике Российской Федерации. Ну, и так далее. Надежность принятия экономических решений. В общем, здесь много можно перечислить.

В этой связи следует, конечно же, отметить, что вначале мы работали в тесном контакте, то есть мы вели эту тему с Вячеславом Евгеньевичем Селиверстовым, а затем подключился Виктор Николаевич Павлов со своей системой КАМИН. Но облегчало нашу задачу то, что к нам относились очень доброжелательно.

Ну, а из историй, которые мне больше всего запомнились, хочу рассказать о 3-х моментах. Первый момент – это когда мы по заданию Госплана Российской Федерации занимались долгосрочным развитием экономики РФ. И вдруг один член Совета, а там, в ЦЭНИИ Совет состоял из 25 докторов, там их, как говорится, пруд пруди, встает и задает вопрос: «Каким образом вы отражаете черную металлургию?». Мы говорим: «Вот, одна позиция в модели». И он стал как-то очень нервно себя вести, стал чуть-ли не антисоветчину нам приписывать, что мы мол дискредитируем там что-то. А сам он, как выяснилось потом, перешел из министерства черной металлургии, поэтому, собственно говоря, и задавал такие вопросы. Фамилию его я не запомнил, но по национальности он был армянин. Мы как могли, отвечали, волновались, естественно, ну, а Владимир Потапович Можин сидел-сидел, а потом как по столешнице хлопнет рукой! И у того сразу же все вопросы пропали. Вот такой момент был щекотливый – для нас, по крайней мере, и для института, в частности. Ну,

что там. В те времена это очень жестко было. Мы знаем, как Абел Гезевич Аганбеян получал выговора по линии обкома за всевозможные новации, которые он применял при обучении, при составлении планов и так далее.

Второй момент – это уже ближе к теме. Дело все в том, что наша связь с Госпланом Российской Федерации состояла в том, что они Сибирское отделение финансировали. И за счет выполнения работ для них можно было бы добавочные ставки получить. Ну, мы и старались. Сначала у меня было 4 руководителя, а я – один исполнитель. Это очень замечательно было. Руководители – Шнипер, Озеров, Гранберг и Вальтух. Потом потихонечку все отходили на свои темы, которые прорабатывали глубоко, и остался (это было уже после 1975 года) руководителем Гранберг Александр Григорьевич. Мне запомнилась выездная сессия Сибирского отделения. Гурий Иванович Марчук тогда был председателем Сибирского отделения. Он выступал с основным докладом на Коллегии Госплана Российской Федерации, содокладчиком был Абел Гезевич Аганбеян, ну, а я, как говорится, – так сидел, если какая информация нужна была бы, то я был готов ответить на все вопросы, которые появятся. В этой связи меня поразило, что все очень внимательно слушали, это, наверное, достаточно большая была политика, очевидно, это с финансированием было связано. Гурий Иванович выступал в течение часа. Он рассказывал о деятельности институтов Сибирского отделения, о полученных результатах. Что меня поразило из его выступления? Что наших сотрудников от всего состава Академии наук тогда было 5%, а открытий, по его словам, было 40%. Вот такое соотношение. Эффективность работы показывал. Много очень интересного рассказывал и, естественно, говорил о том, что нужно финансирование расширить. Все очень внимательно слушали, вопросов практически к нему не было.

Затем стал выступать содокладчик – Абел Гезевич Аганбеян – он уже экономические вопросы освещал. В частности, чем занимается наш институт, какая ситуация складывается. Это было действительно очень интересно. Все очень внимательно слушали, и, я думаю, потом они пошли обсуждать все вопросы уже более кулуарно, к председателю Госплана. Но то, что мне удалось участвовать в работе выездной сессии СО АН – это мне запомнилось. Было интересно послушать выступления именитых людей.

Третий момент. В то время заместителем Сводного отдела Госплана Российской Федерации, как сейчас его помню, был Восконян – приятнейший человек и все время, как мне запомнилось, глотал таблетки от сердца. В то время разрабатывалась первая целевая программа развития Российской Федерации в 2-х томах, с приложением.

Она у меня где-то сохранилась, в единственном экземпляре, наверное. Мы привозим туда нашу работу и говорим: «Вот наша программа». А Воскоян: «Что-то похожее на наше, но ты понимаешь, – он ко мне на «ты», – ты понимаешь, у нас такой коллектив!» А там, по моему, 3000 человек тогда в Госплане Российской Федерации было. А я говорю: «Похоже, и хорошо. А как вы докажете, что в принципе у вас сбалансировано все? Если из каждого отдела вы вытаскиваете все, как вы балансируете?» «А у нас, – я ему говорю, – если я вариант получаю, то он сбалансирован, причем в динамике». Он долго меня слушал, слушал, причем у него была характерная привычка – он закрывал лицо ладонью, а сам сквозь пальцы смотрел – как я реагирую. А я ему говорю, что у нас все сбалансировано, и, значит, включайте наши варианты в эту целевую программу развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, на 10 лет. «Но ты понимаешь, это же серьезный вопрос». Я говорю: «Понимаю, серьезный, конечно. Но надо же сказать, что институт тоже участвовал». Ладно. Дальше – больше. Абел Гезевич был в Москве, Воскоян, не знаю, откуда он узнал, звонит ему. Абел Гезевич говорит; «Ну-ка, позовите его. Ты что там волну поднимаешь?», Я говорю: «Да, ничего, я просто предложение дал, чтобы наши результаты каким-то образом использовались, и была ссылка, что мы над этой проблемой тоже работали». «Ну, ладно, – сказал Абел Гезевич, – пришлю Вальтуха Константина Куртовича, пускай посмотрит. А ты, возьми из своих вариантных расчетов и сделай маленькую – а там огромный том был такой – сделай маленькую записку, страниц на 20». И действительно, Константин Куртович быстро приехал, посмотрел, сказал, что все верно. К этому времени, я уже сумел написать записку на 20 страницах на основе отчета, то есть, он смотрел эту записку. А там были основные посылки, что нужно для России в долгосрочной перспективе? Касалось расширенного воспроизводства фондов, выбытия фондов, соотношения между активной и пассивной частью – вот такие вопросы, которые были прочитаны. И все же в исполнителях было записано не Сибирское отделение, а «при участии Академии наук». Следовательно, какой-то позитивный момент был в этом направлении.

Что еще запомнилось? Это, конечно, скандалы, которые тоже бывали. Вдруг как-то прибегает секретарь Абела Гезевича к нам, на 4-й этаж. Я ее такую взволнованную еще не видел. И говорит: «Слава, тебя срочно Абел Гезевич к телефону вызывает». Подхожу: «В чем дело?» Он говорит: «Что у тебя в портфеле есть?» Я говорю: «У меня в портфеле все есть». «Забирай все, – говорит он, – я заказал тебе билет. Сегодня же вечером вылетай в Москву. Завтра утром, чтоб ты стоял около 9-го подъезда Госплана РФ, там, где начальство ходит на

работу». Ну, я, конечно, быстренько собрал все, что было, и вылетел ночью, а утром уже, конечно, я стоял около 9-го подъезда. Примерно около 9 часов подъезжают все машины, там разворачиваются, черные «Волги» в основном. Ну, и потом скромно Абел Гезевич подъехал: «Ну, что?» Я говорю: «А в чем дело?» Я понимаю, что он не мог мне по телефону все сказать. А тут он стал говорить о том, что в Госплане не довольны нашей работой, что начальник Сводного отдела, как сейчас помню, по фамилии Зенченко высказал серьезные претензии. Я возбужденного такого Абела Гезевича никогда не видел. Он всегда ровный такой, его трудно вывести из терпения. Ну, поднимаемся по лестнице на 5-й этаж. Тут выбегает Зенченко: «Ах, здравствуйте, здравствуйте...».

Но Абел Гезевич Аганбегян в своей манере, конечно, объяснил, как мы работаем, что мы делаем, что, очевидно, у вас времени не хватает посмотреть, по каким темам мы работали и так далее. Ну, а потом и говорит: «Слава, что у нас есть?» И я беру эти двадцать килограммов выдачи, а выдачи тогда были огромные с БЭСМ-6, и выкладываю прямо на стол Зенченко. Он: «И это все нам?» Аганбегян говорит: «Он посидит, здесь обобщит, вам небольшую записку сделает. Потом отдаст». Ну, и на этом все кончилось. Мне это все запомнилось потому, что Абела Гезевича я таким раздраженным никогда не видел.

– А какой был результат этой поездки? Вы там подготовили эти материалы?

– Да, конечно. Я посидел там недолго, неделю. Обобщил эти варианты. Маленькие таблички сделал. Показал все варианты. Ну, и Зенченко как-то успокоился, замолчал. А всем ясно, что это, конечно, связано опять же с финансированием, дополнительными ставками.

Мне кажется, что дополнительные ставки давали не только в наш институт. А давали, наверное, на президиум. Потом их уже перераспределяли. Так что мы, каким-то образом, я так думаю, этому способствовали.

Вот после коллегии Госплана, где Г.И. Марчук выступал с Абел Гезевичем, сразу же Козлова Леонарда Александровича назначили председателем СОПСа. Как-то очень быстро все это произошло. Ну, значит, эффективное было выступление.

А еще один момент мне запомнился. Это уже Александр Григорьевич Гранберг точно в такой же ситуации, как и Абел Гезевич, и опять же Зенченко почему-то, ни с того ни с сего возник. Здесь уже Александру Григорьевичу пришлось вмешиваться. Одним словом, они меня очень сильно прикрывали, иначе бы мне, конечно, несдобровать. И не только меня, а честь института они отстаивали.

– *Им какие-то варианты не нравились?*

– Дело не в вариантах, а дело в проблемах, которые мы по динамическим моделям решали. Ну, например, с Зинаидой Рихардовой Цимдиной мы сделали натуральный блок по черной металлургии с переделами. Ну, это одна из задач, которые мы решали по их заказу. А самое главное, это, конечно, когда они вплотную занялись программами научно-технического прогресса. А вы помните, что этим у нас занимался Э.Б. Голланд. У него было около 100 программ с какими-то расчетами, подсчетами. А моя задача была включить эти программы, как можно подробнее, в динамические модели и показать эффект: вот что значит научно-технический прогресс. Это впервые было сделано, естественно и это было не просто. Пришлось несколько модифицировать модель. И, одним словом, наша модель не выдержала такой нагрузки. Чуть машина не сгорела. Тогда я половину выкинул, а с половиной она начала давать результаты. Эффекты – просто поразительные, с точки зрения конечного продукта, т.е. с точки зрения потребления. Все было вычислено, все сбалансировано, все видно: вот такие эффекты, вот, пожалуйста, вот смотрите, какие перераспределения между отраслями.

Конечно же, сложно было доказать им, что необходимо при принятии экономических решений использовать понятие «надежность». Но тут мы поработали с Соколовым Виктором Григорьевичем. Мы поработали плотно, и из его посылок, и из его монографий совместно со Смирновым, которые они выпускали, мы взяли только один раздел и сумели показать, что, в принципе, можно принимать надежные решения, что варианты, которые они разрабатывают, это, собственно говоря, полдела. Нужно еще показать, что эти варианты с какой-то вероятностью будут выполнены, каким образом базовый вариант развития экономики Российской Федерации может быть изменен при изменении определенных экономических условий в развитии отдельных отраслей? Прежде всего, конечно, мы рассчитывали структуру отраслей машиностроения – это выбытие фондов, капитальный ремонт и само машиностроение. У нас модель была 35-отраслевая и машиностроение занимает 22 отрасли в межотраслевом балансе. До нас никто этими проблемами на уровне народного хозяйства СССР и РФ не занимался. Мы были пионерами в этом деле.

Ну, что еще? Потом перестройка началась... И уже не Госплан, а Министерство экономики РФ. Я тоже участвовал во всевозможных разработках. Но там уже уклон был, конечно, на московские институты.

Что еще запомнилось – это, конечно же, сотрудничество с Министерством экономики РФ, которое было в 90-е годы – 1991–1992 гг. Госплан разогнали, а Минэкономики создали. Уже была другая струк-

тура Минэкономики. И мы сотрудничали с ними. И вот на протяжении всей моей сознательной жизни, если можно так сказать, вся моя деятельность была связана с развитием экономики.

Времена меняются. Людей, принимающих решения, интересуют уже другие проблемы. Особенно, как вы помните, наверное, бум на счет финансовых балансов. Связь материально-вещественных и финансовых составляющих. Виктор Иванович Суслов быстро разработал модель. Мы ее каким-то образом, с Юрием Ершовым и с Виктором модифицировали. Но это уже 1993–1994 г. Сейчас к финансам относятся как к обычному инструменту. Такого ажиотажа нет вокруг этих показателей. Все уже приходят к мысли о том, что материально-вещественные связи – это основа финансов.

– Да, откуда финансы берутся? Они же вытекают из материально-вещественной части...

– Нет, они не вытекают, но они покрывают. Это из всей мировой практики известно, собственно говоря.

– Спасибо, Вячеслав Сергеевич. Еще один вопрос: какие условия помогли делать Вашу работу.

– Условия... Это я уже говорил – поддержка руководителей института. И второе условие, это, собственно говоря, возможность сотрудничества со многими подразделениями института. Только поэтому за год можно было решать такие задачи, которые одному и за 3–4 года не решить. Таким образом, мы сотрудничали со многими подразделениями нашего института. Вот, собственно, и все. А еще какие нужны условия? Головой работать надо. Не бояться модифицировать, и не бояться доказывать, что ты даешь объективные результаты, особых ошибок не допускаешь при своих расчетах. Вот и все, пожалуй. И еще раз повторяю, если бы не заинтересованность руководства института в этой теме, этой темы вообще бы не было как таковой. Но самое поразительное, что эти темы были закрыты. И многие вопросы невозможно осветить, потому что ты должен взять отчет, на котором гриф «Секретно». Я до сих пор не могу получить отчеты и материалы, которые я собирал по Российской Федерации. А мне давали очень серьезные материалы. Они лежат в первом отделе. Но не дают – и все. До сих пор засекречены! Господи, там секрет-то в чем? Там национальный доход присутствовал Российской Федерации. И еще машиностроение. Больше там ничего не было. Больше никто ничего не знал. А уж национальный доход как рассчитывался по Российской Федерации – тут, конечно, темный лес. И то, что прибалты говорили, что они кормили нас, поили и прочее – это все чепуха. Надо было посмотреть структуру национального дохода – что и почему, и насколько, и куда.

Российская Федерация – это особая республика была. С каким трудом мы написали книгу вместе с А.Г. Гранбергом и В.Е. Селиверстовым – «Российская Федерация в общесоюзной экономике». Если бы вы знали! С каким трудом ее протаскивали через ЛИТО! Ну, тут, конечно, неоценимую услугу Т. Болдырева оказала. Она дралась за каждую табличку. А таблицы какие? Полные затраты, например. Ну, что они дают? Да еще в восемнадцатотраслевой классификации. Но, нет, и все. Когда стали публиковать национальный доход по Российской Федерации, вдруг кто-то заметил, что американцы, выпустили книгу; и там по Российской Федерации национальный доход, правда, по шести отраслям рассчитан. Тогда его рассекретили.

Самое интересное – А.Г. Гранберг послал статью в один журнал столичный. А ему говорят: «А вот национальный доход. Что вы пишете? Знаете, что закрытый». Он оттуда звонит – рассчитайте национальный доход. Кровь из носу, мне нужно, чтобы на открытой информации был посчитан национальный доход. Так что мы придумали с Вячеславом Евгеньевичем? Мы взяли сельское хозяйство, раскрутили его, и у нас получилось практически одинаково. Мы ему методику продиктовали, он показал, прошла его статья.

– Спасибо, Вячеслав Сергеевич. А какие личные качества, как Вы считаете, помогают Вам в работе?

– Я бы сказал, что мои личные качества, они, грубо говоря, всем известны. Раньше я, конечно, много работал. Жил в 1-комнатной квартире, у нас ребенок был. Его нельзя было будить. И я сидел в совместном санузле и работал урывками. Ну, и утром приносил на работу результат.

– А на кухне нельзя было, например?

– Нет, там кухня-то была, но свет мешал, его надо было затенять. Одним словом, в молодые годы я работал много. Потому что очень большой объем работы нужно было провести. В Москве несколько тысяч работают, причем у них есть информация. А тут иногда и информации не было. Как-то надо было посчитать! Ну, и еще, что меня удручало – это хождение на ВЦ по ночам. Нам, как правило, выдавали время для работы на вычислительной машине по ночам. Одновременно с нами работал Виктор Константинович Озеров – он по СССР делал расчеты. Ну, и тут смешные истории всякие были. К нему приезжала Маковецкая – это его сотрудник. Она работала у него в лаборатории в Москве, а сам он здесь был. И она говорила: «Слава, я без тебя не пойду». Но она там всех построила. Все технические работники дрожали, когда она заходила в зал. Потому что настырная, напористая была женщина, в возрасте. Ее же так не отошьешь!

Ну, что ты! Она раньше, во времена Октябрьской революции, после Октябрьской Революции парабеллум носила. Так что она человек серьезный. Но приятная женщина, ничего не скажешь. Когда мы получали пропуска на ВЦ, с нами собеседование по технике безопасности проводили. Ну и она пришла, естественно. А инженер по технике безопасности спрашивает: «Простите, а сколько вам лет?» Она говорит: «Ну, в общем-то, женщинам такие вопросы неприлично задавать. Но если уж так нужно, то с 1905 г.». Ну, молодец!

– Правда, 1905?

– Да. И она вот кандидатскую защитила. А потом быстро накропала докторскую. А ей Абел Гезевич говорит: «Ну, зачем Вам докторская диссертация? Главное – знание». Отговорил ее защищаться.

Можно всякие истории еще рассказывать. Но я выбрал для вас три сюжета про сотрудничество с Госпланом – тут были задействованы большие силы. В общем, директора очень поддерживали эту тематику.

5.3. Многие проблемы страны порождаются системой принятия решений

Клисторин Владимир Ильич
д.э.н., ведущий научный сотрудник

– Владимир Ильич, с чего все начиналось?

– Ну, наверное, в 1974 г. – это была работа по Программе освоения зоны БАМ. Я – совсем молодой человек. Только пришел в институт после НГУ, стажером. И уже в ноябре 1974 г. я был погружен в эту работу. Мы съездили в командировки в Улан-Удэ, в Читу, в Якутск, собирали материалы. Я увидел, какое огромное количество материалов есть на местах. Как из этих материалов можно скомпоновать что-то новое, увидеть совсем неожиданные проблемы, дать какие-то предложения по их решению? Вот, наверное, эта работа под руководством В.Н. Богачева и произвела на меня наибольшее впечатление, и я увидел, что в окружающей жизни есть масса интересного.

– А что конкретно удалось сделать в этой работе?

– Если касаться отдельных научных результатов, которые были для меня неожиданными: предполагалось, например, что значительная часть работ по самому БАМу и в зоне освоения БАМа будут выполнены на кредиты или за счет кредитов, предоставленных Японией, и еще кем-то. И мы с Богачевым посчитали, что в этом случае, по крайней мере, половина проектов в зоне БАМ оказывались совер-

шенно бессмысленными, убыточными, и это связано, прежде всего, со сроками строительства объектов, и особенно инфраструктурных, в этом районе. И для меня это было полностью неожиданно, поскольку тогда я не имел никакого представления о том, что схема финансирования может повлиять на результат реализации проектов. Мне кажется, что большинством сотрудников института это было осознано спустя тридцать лет. Ну, я не знаю, по-моему, достаточно позитивный и интересный результат. Это потом было опубликовано, правда, с грифом «Для служебного пользования».

– Что там еще такого было, что запомнилось?

– Это была моя первая, достаточно масштабная работа. Я запомнил еще то, что... Запомнилось, как Абел Гезевич Аганбегян сумел организовать работу десятков людей, которые работали на одну и ту же проблему, до конца, может быть, и не понимая, что они делают. Ну, по крайней мере, мне так казалось. Но, тем не менее, это была работа единого коллектива. Это совершенно потрясающая координация работ. И это, в общем-то, достаточно солидные результаты, практические, научные и какие угодно.

– А почему все же вспоминается этот проект? Как самый масштабный? Или еще есть какие-то характеристики? Были же, наверное, и другие проекты?

– Да, конечно, были и другие проекты. Но, во-первых, я во многих проектах, таких как «Серединный регион», «Переброска рек», не принимал участие. Но были проекты по Сибири, в которых принимал. Например, постоянное обновление Программы Сибирь. Конечно, проекты были. Но, во-первых, то, с чем сталкиваешься в первый раз, запоминается лучше. Наверняка, человек, который второй, третий, четвертый раз видит великие пирамиды, или Великую стену, или что-то подобное, в общем, у него уже что-то притупляется. Но создается впечатление, что та работа выполнялась на действительно очень хорошем уровне, который потом повторялся, возможно. Но какого-то разительного продвижения вперед я вот не ощущаю с тех пор. Так, чтобы это было ощутимо, чтобы что-то было видно. Такого вот не было.

Может быть, это, действительно, субъективное ощущение.

– Тогда попробуем сформулировать, какие условия помогли этой работе?

– Первое – это фантастическое чутье А.Г. Аганбегяна. Потому что он мгновенно распознал здесь и научные и практические проблемы и понимал, что это не однодневка, что это не будет забыто. Второе, это, конечно, молодость всего коллектива института. Даже нашим мэтрам тогда было под 50, самое большее, а основную массу

сотрудников составляли люди до 30 или около 30. Это совсем другое отношение к делу, и это, когда многое в первый раз, – всегда очень интересно.

И что еще очень сильно отличало эту работу? Все-таки, сама проблематика имела к этому времени уже достаточно большую историю. И когда мы столкнулись с тем, что по этой проблеме есть очень много наработанных материалов, хотя и очень разнородных – это тоже было очень интересно.

– Что еще? Иногда так спросишь, и люди еще что-то вспоминают. Что помогало, может быть, в характере людей? Какие особенности были? Может быть время какое-то? Может, верили в коммунизм?

– Насчет коммунизма не могу сказать. Кто-то, наверное, верил, кто-то не верил. Ну, поскольку 80-й год был уже близко, то, конечно, та программа, которая была в 62-м году опубликована, воспринималась не очень реально. Но то, что можно усовершенствовать управление, переставить акценты в промышленной политике, или в региональной политике, говоря современным языком, и добиться вполне ощутимых результатов – это, несомненно, было. И я думаю, что практически у всех.

Во-первых, мы осознавали, что есть то, что нужно менять. Какие-то были предложения. Мы понимали, что очень многие проблемы страны идут от несовершенства системы управления, системы принятия решений. И в то же время мы видели то, что тогда называлось резервами для роста. Вот что-то поменять, что-то изменить, – и все сыграет здорово.

Потом уже, конечно, появились определенные сомнения в качестве информации, в том, что та система управления, которая есть, адекватна экономической системе, системе отношений и... поменяй систему управления – и посыпется вся экономическая система. Но это было уже позже. Это были уже 80-е годы. А тогда мы были глубоко убеждены, что возможности системы не исчерпаны. Какая у нас система управления? Та, которую создали в 30–50-е годы. Страна стала с тех пор другой? Другой. Значит, нужно и систему управления менять. И, конечно, это был замечательный период, когда мы очень верили в то, что если наши предложения и идеи прошли апробацию в расчетах на каких-то моделях, то мы имеем очень прочную основу для отстаивания своей позиции. Мы действительно искренне верили, что могут быть всякие политэкономические заблуждения, или спекуляции, но математика же не терпит спекуляции. И, следовательно, результат модельных расчетов – объективная основа для принятия решений.

Было ощущение свободы творчества, конечно. Я занимался вопросами оценки, экономической оценки природных ресурсов. И, в частности, одним из таких ресурсов является, как известно, земля под застройку, городские земли. Была надежная и мощная теоретическая база в виде главы из третьего тома «Капитала» Маркса, посвященная вопросам строительной ренты. Ну, и я этим занимался. Конечно, меня здорово критиковали, когда говорили: «Ты что, хочешь землей в городах торговать?» Я говорил: «Нет, но если собственник не проводит расчетов, не получает соответствующих доходов – это его личное дело. Но при градостроительном проектировании и так далее эти экономические оценки нужны. Мы тогда слово «цены» боялись произносить. Или не хотели произносить. А оценки – это был такой хороший, нейтральный термин.

И вот, как можно было бороться с этим недоверием? Пишешь, что в решениях такого-то Съезда партии, или в выступлении такого-то руководителя прямо указано, что нужно рачительно относиться к такому дефицитному ресурсу, как городские земли. Таким образом, это проблема важная, таким образом, введем условные обозначения, построим модели, а дальше – пиши что хочешь. Решения съезда были очень важны. И ссылки на классиков. Ну, на Маркса было легко ссылаться, я говорил, у него была целая глава. С Лениным было хуже. Я нашел некоторые цитаты из Ленина, а потом выяснилось, что они никакого отношения к экономическим вопросам не имели.

Вернемся к оценкам. Это тоже был определенный этап. Тогда Сережа Суспицын защитил кандидатскую диссертацию по рентным оценкам в нефтегазовом комплексе. А Мкртчян, Суспицын и Клисторин после этого опубликовали книжку в издательстве «Наука» в Москве – это было, в общем, тогда большой редкостью. Конечно, в основе всей этой книги была диссертация Суспицына, но был общий подход, который, в том числе, и Богачев генерировал, и были наши с Мкртчяном вполне самостоятельные куски. Это тоже, в общем, для молодого исследователя – это был 1979 г. – была важная веха.

Это был важный кусок в моей личной жизни. Он потом на меня повлиял, потому что мне, как наиболее владеющему русским языком из всей нашей троицы, поручили редактирование текста, тексты-то очень разные были. Это мне очень много дало для дальнейшей жизни. Это полезное было дело. Уже в 90-х годах я случайно столкнулся с одним человеком, и он сказал: «Вы тот самый Клисторин? Мы же по вашей книжке учились».

– **Классик?**

– Классик. Это было очень приятно.

– Хорошо, а какие личные качества помогают Вам в работе?

– Что еще? На самом деле, работа в таком очень квалифицированном и творческом коллективе под руководством Богачева сказана на моем воспитании. И, второе, как ни странно, работа в аппарате президиума, где надо было в какие-то достаточно жестко определенные сроки делать что-то. Конечно, это была не научная работа – то, что я там делал, а научно-организационная, но, тем не менее, определенная дисциплина была получена там. Ну, и кроме того, я там научился читать, потому что приходило очень много материалов, в том числе ИНИОНовские сборники, и я был одним из немногих в аппарате президиума, который все читал. Все, что ко мне приходило. Это были обзоры. У меня некоторые до сих пор есть.

– Да, целая коллекция.

– Много читать – это было полезно. Были вещи, которые можно было бы не читать. Но были и очень полезные вещи. Но это издавалось «Для служебного пользования».

– Как Вам понравилось интервью?

– Интервью было приятно, но очень неожиданно. Конечно, если бы я повспоминал больше, может быть, что-то лучше бы вспомнил.

– Вы думаете, что лучше заранее предупредить?

– Не уверен, что надо заранее. Может быть и так. Ну, а что вспоминается вот так? Либо какие-то исследовательские проекты, либо экспедиции, либо еще что-то. Например, был у нас аспирант из Болгарии, мне поручили прочитать его диссертацию на болгарском языке, и я прочитал ее по диагонали, даже сделал какие-то замечания, которые оказались по делу и правильными. Но вот когда я попытался повнимательнее прочитать – у меня ничего не получилось. Это меня впечатлило. Элемент неожиданности тоже может сыграть положительную роль.

5.4. Общеинститутские исследования – наш ответ на вызовы глобализации

Малов Владимир Юрьевич
д.э.н., зав. сектора анализа и прогнозирования развития проблемных регионов Сибири

– Владимир Юрьевич, какое событие было самым ярким?

– Простой ответ. Это прошлое, конечно. Ничего удивительного нет. Мы были молодыми. Очень запомнились экспедиции, которые, благодаря Марку Константиновичу Бандману, стали регулярными. Из них мы почерпнули очень много знаний действительности, реального состояния дел, встретились с массой людей, которые работают «на земле». То есть исследования нашего сектора никогда не отрывались от земли. В прямом и переносном смысле. Когда организовался наш сектор ТПК, сразу же пошли экспедиции, практически каждый год – 1967, 1968, 1969. Моя первая экспедиция была в 1971 г., кстати, на следующий же день после зачисления меня в институт. Периодически часть наших сотрудников участвовала в таких мероприятиях, проводимых другими организациями – красноярцами, иркутянами. Мы участвовали с удовольствием. Последнее такое крупное мероприятие – это экспедиция СОПСа, в которой участвовал и Марк Константинович, и В.А. Крюков по Северному морскому пути. Тогда, в очередной раз, мы подтвердили огромную значимость СМП для будущего России.

– Владимир Юрьевич, я знаю, что такое экспедиция, но чтобы сформулировать для тех, кто в них не был, как бы Вы определили, что такое экономическая экспедиция?

– Изучается какая-то проблема территориального (регионального) развития в Сибири. Не всегда в Новосибирске, в Академгородке, а где-то, например, в Красноярском крае, Нижнем Приангарье, БАМе и т.д. Надо посмотреть, что это такое? Посетить это место, проехать, лучше на автомобиле, чтобы все посмотреть и где-то «пощупать». Нет дороги, значит, на вертолете, пожалуйста. Вот что такое экспедиция. Встреча с людьми, которые там работают, которые реально что-то уже делают там, а главное, живут. Надо было понять их интересы, что они хотят? Другими словами, наши экспедиции – это примерно то же, что и Вы сейчас проводите – опрос живых людей и «натурные» съемки.

– Ну, и что удастся привезти из этих экспедиций?

– Понимание того, что действительно является проблемой для той территории. Нужно ли им то, что мы предлагаем? Наука придумала множество моделей, кучу вопросов нарешали, предложили какие-

то варианты. А как они на это смотрят? Может быть, мы глупости какие-нибудь придумали? Вот разговоры с ними и выявляют эти противоречия. Они, кстати, все охотно шли на контакты. Может быть, тогда больше уважали науку. Теперь, например, губернатор Красноярского края Александр Геннадиевич Хлопонин вообще не видит Академию наук. Не нужна она ему. У него свои «карманные» организации, которые сделают для него все, что требуется и, вероятно, главное, умеют лоббировать интересы края на самых верхних уровнях. Это сегодня важнее, чем объективные данные. В чем-то он (губернатор) может быть и прав, больно долго наука раскачивается, медлительная была, а ответ нужен быстрый. А вот когда мы встречались с людьми на местах, с людьми дела, то и мы понимали многое, смотрели другими глазами. Например, директор крупного алюминиевого завода в Саяногорске, еще только начинающего строиться, рассказал нам, как идет строительство, какие трудности, что будет, как он представляет себе будущий город, в том числе, в комплексе с другими объектами хозяйства, с энергетикой. Это опять же 1971 г. был. Потом через 10 лет интересно было опять посетить это же место, посмотреть, что изменилось, что реализовалось, что нет, почему?

Наверное, Вам с социологами интересно будет пообщаться, с В. Артемовым, например. Очень рекомендую поговорить, как он на протяжении 30 и даже 35 лет одно и то же село, группу сел обследовал и собрал огромный материал, провел мониторинг за все эти годы. Уникальная работа.

Вот хотелось бы и нам тоже посмотреть, а что произошло в тех регионах, где мы что-то планировали, строили модели, решали задачи. Тот же БАМ – проехаться бы, посмотреть. Сейчас вроде бы вновь собираются повернуться к Сибири, ко всей азиатской части России лицом. Но хотелось бы посмотреть, подытожить, что получилось, что нет, что за 20 лет этой катастрофы российской получилось? Что осталось? Что можно восстановить? Но на это пока не хватает средств. Таких масштабных и комплексных экспедиций, как в советские годы, пока не предусматривается. Может, тогда денег было больше, или Правительство лучше понимало значимость таких экспедиций? Вот в этом и «соль» экспедиций. Познакомиться с интересными людьми. Не зарываться только в книги. Не отрываться от жизни.

– Что помогало в такой работе? Какие были условия, которые способствовали успеху таких экспедиций?

– Условие было одно – надо было выбивать не столько деньги, сколько материально-вещественный состав этой экспедиции, вплоть до тушенки. Не было тушенки в магазине – нужно было получать разнарядку от УРСа Сибкакадемстроя. Ехать, добиваться на базу. Маши-

ну получить, бензин. Все эти талончики. Вот это проблема. А деньги, в общем-то, были, цены-то были соответствующие, деньги выделялись. Хоть в этом было понимание. И А.Г. Аганбегян здорово это понимал, сам приветствовал эти экспедиции и очень часто лично участвовал. И, конечно, все это способствовало успеху. Он и А.Г. Гранберг, они понимали, что такое экспедиция, насколько важны они, и приветствовали их, помогали. Очень помогали.

– Ну, а вот на местах?

– И принимали нас, конечно, на высшем (региональном) уровне, и обеспечивали встречи, посещения даже режимных объектов. Хорошо помогали. Когда узнавали, что приезжает большая наука, Академия наук, Сибирское отделение, Академгородок – ну, совсем другое дело. Вот, например, одна из экспедиций вместе с поляками в 1975 г. по большому Саянскому кольцу, в которой принимало участие много народу от нашего института. Чтобы провести поляков по тем местам, которые не очень часто посещались туристами, тем более, иностранными, естественно нужно было получать разрешение в КГБ, в Красноярске. Для этого – тогда еще зам. директора был С.М. Гулимов, а ученым секретарем экспедиции – В.С. Зверев – мы посетили все эти высокие инстанции. С Крайкома началось. Позвонили в КГБ, договорились, мы пришли туда и все нужные разрешения получили. Они уже сами, по своим каналам дали команду в Туву и Хакасию нас принять соответственно, выделить машины сопровождения и т.п. И все это было сделано.

– То есть организационно помогали?

– Да, организационно было все на самом высоком уровне. Отношение к науке было очень хорошее, она была уважаема. А сейчас? Имей деньги. Если есть деньги, экспедицию организовать можно, проблем нет. Машину нанять, или с едой – нет никаких проблем. Но иногда складывается впечатление, что вас никто не ждет – ни в администрации, ни, тем более, на предприятиях. Зачем вы нужны? Еще какую-нибудь коммерческую тайну узнаете и опубликуете. А вот если О. Дерипаска придет – ему будет все на блюдечке. От него можно что-то ждать или даже получить. А что ждать от науки? Вот таково отношение к науке, оно сложилось за последние 20 лет. Может быть, что-то тихонечко исправляется, но трудно пока заметить.

– Что же все-таки давали экспедиции, кроме такого живого общения?

– Понятие «живое общение» – оно настолько емкое, что туда можно вложить очень многое.

– **А поподробнее?**

– Живое общение – там появлялся тот самый энтузиазм, ради которого стоит идти на работу, и стоит делать модели и видеть, что от нее есть какая-то реальная польза. Что ты это не просто выдумал, а вот она – жизнь, вот она – действительность. Вот так ее (модель) подправил, нашел, что было неправильно раньше, исправил. И получил реалистичный результат. Оправдались твои прогнозы. Вот это, вероятно, и есть жизнь в науке. В науке и одновременно на земле. С удовольствием шли после экспедиции на работу. Заряд на целый год. Особенно приятно обрабатывать полученный тобой же материал, который нутром чувствуешь. Действительно, было удовольствие. А потом, это огромная польза для последующего чтения лекций. Вот как Марк Константинович Бандман учил меня, ну, и всех, кто работал с ним: не пересказывать то, что вычитал в книгах, а рассказывать о том, что ты сам увидел. Это и слушается, и воспринимается лучше. Ты действительно уверен в том, о чем рассказываешь.

– **Ну, например?**

– Самый свежий пример, Нижнее Приангарье. Сейчас реализуется огромный инвестиционный проект. Он связан с Богучанской ГЭС, с алюминиевым заводом, с ЦБК, газохимическим комплексом и т.д. и т.д. Прочитаешь все, что написано, ну, просто плакать хочется от счастья, как все здорово. Поедешь туда, поймешь то, что на самом деле люди ожидают, и то, что там на самом деле делается и собирается делаться, сразу опускаются руки. Наполовину все это ушло в пар, в свисток, вряд ли это будет в те сроки, как намечено. Народ сильно много не получит, да и не ожидает. А самое главное, что вообще будет ли то, что наобещают. Потому что самый элементарный подсчет: когда посмотришь, что предлагается сейчас, и поднимешь свои старые расчеты, оказывается, что в принципе не может там такого быть, что они наобещали. Как все это прошло? Какие там шоу показывали? Для кого все это сделано? Остается вопрос: зачем все это надо?

– **То есть пресса приукрашивает?**

– Да, и очень сильно. Вот, например, проекты развития отдельных регионов. Каждый хочет свое. Больше бы набрать. И все это заведомо уйдет в свисток, потому что нереализуемо. Но это потом выяснится, а сейчас главное – погромче свистнуть.

– **Вы знаете то, о чем многие люди еще не подумали даже. Не могли бы Вы еще что-то добавить?**

– Подумали те, кто должен делать следующую стадию работы по реализации проектов, – кто должен делать районную планировку,

о которой в нашем секторе всегда помнили как о финишной стадии всех модельных расчетов. Наша работа с этим была связана самым тесным образом. Районная планировка – это инженерный документ, где на конкретной территории проекты уже реализуются, т.е. уже непосредственно идет строительство, происходят взаимоувязки ресурсов, труда, земли, воды и т.д. Но сегодня об этой стадии как-то подзабыли, что не удивительно. Ведь если ничего нового не строится, то и потребности в районных планировках практически нет.

И вот когда наступила стадия нового интенсивного освоения того же Нижнего Приангарья, то администрация Края вспомнила об этом этапе. Но, к сожалению, с опозданием. Районные планировщики, когда столкнулись с этими проектами, в ужасе схватились за голову, потому что ничего там не согласовано, все разрозненно. Они-то чувствуют, что это свисток, потому что они инженеры. Наш сектор, спасибо опять его основателю, как раз стоял на стыке. Наука – да, математика – да, модели – да, но и инженерное дело, а между ними должна быть связка. Конечно, понимаешь, что они – проектировщики и не могут охватить такую широкую систему взаимосвязей. Именно потому, что они занимаются конкретным делом. Вот тут мы и можем быть им полезными. Вот тут без нас, наверное, обойтись нельзя. Чуть-чуть посмотреть сверху, со стороны на те реальные вещи, которые делаются на земле.

– Да, я думаю, что это важные аргументы, когда наука может убедить, что ее роль очень важна.

– Конкретный пример – проблема создания Северо-Сибирской железнодорожной магистрали. То, что идея ее появилась 100 лет тому назад – это отдельный и очень показательный факт. То, что очень настойчиво ее стали рекомендовать уже в середине 90-х годов – опять очень важно. То, что ее не воспринимали долгое время ни администрация Красноярского края, ни администрация Томской области – это отдельный вопрос, на мой взгляд, чисто конъюнктурный. И вдруг, буквально полгода-год, все они договорились между собой и стали интенсивно продвигать этот проект. Ладно, забыли, что это предлагали другие. Пусть первенство за ними, если это так важно. Главное – хорошее для страны дело началось. Но именно наука подготовила почву для того, чтобы этот проект пошел наконец. Обоснование наше есть.

– У вас уже есть подготовленное обоснование?

– Да, вот уже 10 лет как подготовлены проекты, и транспортная стратегия разрабатывалась в Институте для Минтранса. Она была представлена и вошла в материалы Байкальского форума еще в 2000 г.

Но в то время она не воспринималась, считалось, что все это лишнее, дорогое удовольствие. И вот что-то случилось, может быть, оттого что убедили кого-то в администрации края, с которой мы общались достаточно часто, что все-таки этот элемент инфраструктуры нужен.

– А у вас есть уже разработки?

– Они уже были давно. Но оказался подготовленным круг людей вокруг губернаторов. Чтобы несколько губернаторов, которым нужна эта дорога, осознали, что она действительно нужна не только отдельно кому-то, какому-то региону, а всей Сибири и России. Ну, слава богу, дошло.

– И сейчас в какой стадии этот проект?

– Вот в феврале 2008 г. они обещали подать проект в Инвестиционный фонд – это инвестиционный проект очень дорогой магистрали. Если они будут искать вариант, чтобы на один рубль бюджетных вложений найти еще 4 рубля частных – то вряд ли найдут. Или найдут опять липу, пену, декларацию о намерениях. Подпишут, дадут свое согласие какие-нибудь бизнесмены, а потом деньги, конечно же, не будут вкладывать. Вот этот свисток – он очень часто сегодня встречается. Надо же думать, что эта дорога, так же как и Транссиб, не предполагается к быстрой окупаемости. Другое назначение и содержание дороги. У нее будет мультипликативный эффект, возможно, в других районах: в Центральной России, на Урале, может быть, гораздо больше, чем в Сибири. На Дальнем Востоке она скажется, БАМ «раскроется». Сегодня он не может работать без Севсиба. Эффект скажется в других регионах, в других отраслях. А ищут окупаемость быструю и непосредственную, потому что железная дорога – это АО. Когда строили Транссиб, не оглядывались на проблемы окупаемости. Хотя ошиблись. Она окупилась. Но окупаемости от нее не ожидали. Северная дорога – это дорога другого сорта. Это стратегическая транспортная магистраль. И она работает.

Вот, например, Китай. Что делает Китай? Это фантастика! Построили железную дорогу до Лхасы в Тибет. Тысяча километров – на высоте 4 тысячи метров. Там и вечная мерзлота, и сейсмика. Да и кислородное голодание, что угодно. Перевал там, по-моему, пять тысяч метров. Что она будет окупаться, что ли? Экономически? Будут ездить миллионы туристов? Да, конечно, нет. Зато уже Тибет никуда от Китая не денется. Все, привязали, намертво. Последние события тому подтверждение.

Для континентальной страны железная дорога не имеет альтернатив. Вот китайцы и решили, что это не зря потраченные деньги. И перебросят они через Тянь-Шань маршрут свой – в обход России

и Казахстана. Тогда наше руководство, хоть в Сибири, хоть на железной дороге, хоть где, поймет, что железные дороги в азиатской части страны необходимы в гораздо больших масштабах по охвату территории. Это гораздо дешевле, чем содержать лишнюю армию и крепости (на это указывали еще и С.Ю. Витте и П.А. Столыпин в свое время).

– Правильно я поняла, что вы – пионеры, что у вас уже есть много разработок, и нужно убеждать руководство их осуществлять?

– Да, у нас есть много разработок. Но пионеры не мы. Это стратегические проработки. Они уже были в 30-е годы XX века, в начале века. Пионерами были русские инженеры, когда они рисовали все эти линии, которые мы сейчас подправляем в соответствии с новым временем. Мы уточняем с учетом новых реалий, новой техники, новой геополитической ситуации.

– А они стратегически прорабатывали?

– Да, они стратегически прорабатывали. Была, например, идея соорудить дорогу на Аляску. 100 лет назад, представьте себе! Проект долго рассматривали. И долго думали, а почему бы и нет? А потом, как только столкнулись с тем, что там за территория, что это не равнина, а огромные горы, горные массивы, распадки, реки и никакого населения, сказали, что нет, и отмели этот проект. И сейчас, как мне кажется, мы не готовы еще к нему. Нам бы внутри страны разобраться, создать нормальную опорную сеть. Без транспорта никакого экономического развития в Сибири не может быть. Так что и надо бы начинать с инфраструктуры. Энергия есть, но что, выдавать ее за рубеж, что ли? Китаю опять? Не хочется. А чтобы свое производство было на этой энергии – нужен транспорт. И это все говорили в 30-х годах! Просто сейчас аккуратно вспоминаем, что было, переводим на современные рельсы, с учетом рыночной экономики. Оказывается, не мешает рыночная экономика по сути дела. Было бы соответствующее понимание у государства, а для этого нужно системное видение. Вот тут без науки уже никуда. Вот системное видение – оно не может быть ни со стороны железной дороги отдельно, ни со стороны О. Дерипаски, и никого другого, никаких олигархов, будь они даже губернаторами.

– Что позволяет верить в успех? Делать эти исследования? Может быть какие-то личные качества? Наверное, у вас есть какая-то страсть, любовь?

– Ну, это конечно. Наш руководитель, создатель сектора – он привил любовь к этой работе. К экономической географии. И к региональной экономике. Работе на земле. Работе в экспедициях.

Еще про опыт. В декабре 2007 г. мы праздновали юбилей – 40-летие первой реализации ОМММ, а модель ТПК создали на год раньше. Если не на два. Первая модель ТПК появилась в 1965 г. Модель Саянского комплекса. Идеология Аганбегяна, модель Гранберга, а вся фактура, реальность – это экономическая география от тогда еще кандидата наук, Марка Константиновича Бандмана. С этого пошло все наше ТПК-шное направление, региональные модели. Потом они влились в систему моделей. Сильный импульс дал и прием на работу студентов экономического факультета НГУ.

Хотя для меня это пошло еще с физ.-мат. школы – с 10 класса я стал сотрудником сектора, для начала внештатным. И так на протяжении всей учебы в университете сотрудничал в качестве уже лаборанта. Подпитывали меня на полставки лаборанта. Марк Константинович понимал, как это важно. Сейчас, извините меня, полставки лаборанта студента нашего не устроит. Но тогда был всплеск интереса к науке у студентов. Вот посмотрите на наш сектор. Больше половины сектора – это студенты НГУ. И все они учились у Марка Константиновича. И А.Г. Гранберг, конечно, нам курс лекций читал. А в институте и того больше – чуть ли не 80% бывших студентов. Так что отношение к следующему научному поколению было принципиально иное. Понятно, что не столько зарплата играла роль. Жилье – раз, понятно, что была другая система. Два – карьера в науке – она считалась почетной. Деньги не были настолько определяющим моментом, а вот карьера в науке, статус научного сотрудника – это чувствовалось и в экспедициях. Повторюсь, науку уважали.

– Что еще хотели бы добавить?

– Сейчас каждый сектор зарабатывает, как может. В свое время Гайдар сказал: «Крутитесь каждый, как может». И каждый сектор крутится, как может. Поэтому общие работы – они как-то на второй план отходят. Ну, понятно, трудно возражать, надо зарабатывать. Что положительного? За эти 17 лет мы все-таки сохранились. Плюс. В Институте есть какая-то «умеренная» демократия, но не анархия. Давление есть, но оно мягкое, которое и должно быть, направляющее. Есть свобода действий и в выборе партнеров, выбор в работе, направлениях исследования. Покажи, что ты делаешь, докажи. Не мешают – это здорово!

– А какие еще условия помогают?

– Объединение института. Когда институт чувствуется единым целым. Достаточно часто, каждые пять лет, проводились сибирские конференции, и на это работал весь институт. Готовился единый доклад. Это то, что касается научной части совместной деятельности.

Постепенно восстанавливается это добрая традиция. С 2000 г. стали проводить Байкальские экономические форумы, и институт стал принимать участие в них. Там был отраслевой разрез, региональный разрез, народнохозяйственный и т.д. Потом – транспортная стратегия, потом – Сибирская стратегия. И, наконец, вот стратегия Новосибирской области, где уж пол-института точно было задействовано. То есть стали возрождаться общеинститутские работы.

Это первое. Второе – это общественная жизнь. Опять же это все связано с тем, что мы были более молодые, интересовались спортом. Ну, понятно, были участниками футбольных команд отделов. Вот Юра Блам, например, Витя Радченко, да тут много, кто скажет про спорт. Как мы гордились нашей сборной института! Май Константинович Калмык, когда мы в 1973 г. стали чемпионами Сибирского Отделения, «выбил» всем участникам нашим по 100 рублей премии. И А.Г. Аганбегян подписал! Всем футболистам Института экономики. А это почти что зарплата мэнэса. Это было очень приятно. А, главное, приятно, что нас оценили. Ну, лыжные соревнования были, дни здоровья. Немножко, чуть-чуть под нажимом, но это был такой мягкий нажим. Ну, не уволят тебя, если ты не придешь. И все-таки люди ходили. И с детьми ходили. Сейчас, последний раз, уж не помню, когда. Как-то решились выйти, так всего человек двадцать вышли. И возраст, говорят, не тот, и дети уже выросли, и внуки больше едут «за деньгами», а не «за туманом».

Еще один момент – картошка, морковь, свекла, капуста, т.е. сельскохозяйственные работы. И А.Г. Аганбегян не чурался этого. Ездил и собирал морковь. Ну, пользы от нас не знаю сколько было, но нам от этой морковки польза была. И общие обеды, большие такие – всеотдельские, и общий процесс работы такой, веселый иногда. Чтобы не замерзнуть – надо было веселиться. И песни... И вот это объединение, неформальное, тоже давало какой-то подъем – очень заметный след оставило.

5.5. Все суета сует, а наука была, есть и будет

Суспицын Сергей Алексеевич

д.э.н., зав. отделом территориальных систем

– Сергей Алексеевич, расскажите о самых ярких достижениях.

– Ну, не достижения, а скорее яркие события. Потому что, когда назад смотришь, вся жизнь представляется не из минут, а из таких событий, которые остались в памяти. Иногда бывает, и целые годы проваливаются, ничего интересного из них не вспоминается.

Ну, например, самый свежий пример. Недавно было 30-летие после защиты кандидатской диссертации. Мы с В.И. Сусловым в конце декабря 1977 г. защищали кандидатские диссертации. Так что может быть не совсем по адресу такой вот вопрос – людям, убеленным сединами, накопившим уже большой жизненный опыт, смотрящим на события через некоторую призму.

– Нет-нет, как раз вот это и интересно, людям с большим опытом посмотреть назад и найти самое яркое событие.

– Хорошо, возвращаемся назад, к той теме, которая связана с 30-летием защиты. Это воспоминание связано еще и с атмосферой, которая тогда царила в Институте. Защита – это было очень не просто. Во-первых, выход на нее: закрывался кандидатский совет, оставался один докторский. Возникла толкотня, конкуренция, кого допустят на последний в том году диссертационный совет. Пришлось побороться, как-то проявить себя, добиться, так сказать. Короче говоря, мы защищались 27 декабря. Совет начал работать с 10 часов утра – из ВАКа прислали на перезащиту докторскую диссертацию, и она продолжалась до шести вечера. Мы подходили, спрашивали, когда она закончится, а нам говорили: «Еще полчаса». Мы назад уходили, снова подходили, и опять – через полчаса. И вот так продолжалось 3–4 часа. Проверяли нашу устойчивость. Мы поняли, что можем оказаться неустойчивыми. Нас уже задержали. И вот когда четвертый или пятый раз сбегали, проверили, не закончилась ли защита, а она не закончилась, и тогда, где-то часа в 4 или в полпятого, достали коньяк и сели играть в преферанс. К шести часам начали подтягиваться друзья – поздравлять. Они видят, что накрыт стол, люди играют в карты. Коньяк стоит. Начинают целовать, поздравлять. А мы им говорим, что вы торопитесь, мы еще не начинали защищаться. Они долго не верили, думали, что мы их разыгрываем. Говорили, что так не бывает.

Ну, в конце концов, там у них все закончилось. И они приняли мужественное решение продолжать работу, отступить некуда, 27 декабря, тем более что после Нового года докторский совет должен был закрыться на реформирование. И действительно, они были вынуждены заседать с нами до 10 вечера. Это хорошо характеризует нас, это характеризует хорошо совет. Важны были не внешние атрибуты, важна была суть. Так что было грустное начало, но потом мы защитились, и все было хорошо.

В памяти осталось еще одно из еще более ранних событий. После первых 3-х месяцев стажерства после окончания университета меня стали забирать в армию. В Институте царил дух вольницы, и руководство смотрело сквозь пальцы на то, что там было, чего не было, что должно быть. Одним словом, формальную сторону стажерства я не сильно выполнил. Как сейчас помню, требования на аттестации были очень высокими. Но в отличие от других стажеров, у меня была уже опубликована статья. У других были другие позиции, а вот этой не было. Меня аттестовали, но пообещали, что не аттестуют, если так будет продолжаться на следующий год. Я не сильно расстроился от таких угроз, тем более что реальных планов по возвращению в Институт после армии я не строил. Но в конце армии женился, и возникла другая ситуация, здесь уже была зацепка по жилью, и я вернулся сюда, с чувством, что я ни о чем не жалею, но с ощущением, что я отстал от других. Но довольно быстро стал догонять, и к 1977 г. уже обогнал тех, с кем я пришел в институт.

А если говорить про организацию, то самое главное, конечно, – все идет от головы. Прежде всего, атмосфера. И это главное. Формулировка стратегической задачи и направлений, куда нужно двигаться. Они могут быть иногда до конца невыполнимыми, но, вообще говоря, должны быть конструктивными. Просто так ставиться! Конечно, Аганбегян был таким лидером. Дальше пошел некий спад. Использовались предыдущие наработки. Этому и объективные есть причины. Институт стал стареть, объехали все поле задач – всю Сибирь по сути дела. Откатали технологию прогнозирования развития Сибири, НТП, и т.д. И после этого, если оставаться на началах здравого смысла, то основные позиции были обозначены, крупномасштабного полета уже не предвиделось. Поле исчерпано, а конкретные дела, связанные с проработкой деталей – этим можно было заниматься, и можно было даже цели поменять, но, прошлого энтузиазма уже не было. Возможно, наши лидеры понимали, что это может оказаться и не востребовано. В свое время наука была наукой, а конкретные проблемы решали другие.

Вообще, тогда было разделение труда. Мы (наука) заглядывали за «пик коммунизма», занимались долгосрочными задачами, – к науке предъявлялись такие требования. А другие занимались текущими делами. В этом-то и была трагедия, когда началась перестройка. Пик коммунизма был скрыт до основания, а капитализма тогда еще не напахали. А то, что было наработано, никому не стало нужным. Наука наша, казалось, сходила на нет.

Ну, дальше было больше конкретного. Было, например, приглашение провести анализ двухлетнего плана строительства капитализма на Дальнем Востоке, в Сахалинской области – она отделена водной преградой от других регионов, и энтузиастам рынка казалось, что можно быстро построить здесь рыночный островок. Нам предложили провести полный анализ того, что хотели, и что вышло из этого. Это была такая кратковременная работа – 2–3 недели с полным погружением в нее, а последние три дня – по 18 часов работы в сутки. Работа сопровождалась попытками влиять на нас и на наши выводы со стороны противоборствующих сторон в регионе. Но мы следовали своим путем: нас позвали для объективного анализа – мы его сделали. Защита работы была целый день.

Если говорить про впечатления – еще одно яркое впечатление, 90-х годов. Здесь, на этом окне, к 1988 г. у меня уже лежала докторская диссертация. И надо было бы ее запускать, но было такое ощущение, что жизнь куда-то покатила, а мы тут в башне науки занимаемся чем-то никому не нужным. Схоластикой какой-то. Какими-то внутренними проблемами. Поэтому она так и осталась лежать, а мы начали бегать по стране – несколько лет работали с разными регионами – в Тульской администрации, приглашали в Вологду, в Алтайском крае, Якутии, севере Тюменской области и др. Бывало, что не мы искали заказы, а они находили нас. Приходилось даже отпихиваться порой от них. Очень плотной многолетней работой были наши дела с администрацией Омской области.

В процессе этих работ мы понимали, особенно попервости, что часто мы и наши потенциальные заказчики – региональные администрации – по-разному смотрим на то, что происходит, и даже говорим на разных языках. Нас не совсем понимали. Было любопытно наблюдать, правильно ли мы воспринимаем ситуацию. Один простой пример 90-х годов: проблема отношений власти и нарождающегося бизнеса. Почему его недооценивали как ресурс развития? Я искренне написал две-три статьи по этому поводу. А потом, в одном каком-то месте, это было как озарение, – дошло. Да всё они понимают, все контакты и связи у них уже есть. Но эти ниточки – индивидуальные контакты. А если их легализовать, сделать официальной политикой,

то придется часть таких контактов потерять. И пока эти связи работают, их необязательно превращать в официальные каналы. И только сейчас шаг за шагом мы медленно движемся к нормальному процессу частно-государственного партнерства, хотя перекосов еще много во всем этом, но правильное понимание этого вопроса уже получилось и оформилось в виде определенной доктрины.

Так, было это в 1992 г., что ли? Мысли вернулись к диссертации. Она была переписана заново и опять в очередной раз отложена. Но я понял весной 1993 г., когда мы ввязались в какие-то дела с северянами, что если я не запущу ее в апреле – то еще один год потеряю. Защита прошла успешно, но я помню какой-то осадок на душе, что все это как бы и незачем, все делают какие-то другие дела. Запомнилась четкая мысль академика В.Л. Макарова, директора ЦЭМИ РАН (он подписывал мне отзыв ведущей организации на диссертацию) – все суета, а наука была, есть и будет. Но не все было просто, когда оказалось, что успешным людям в бизнесе и во власти вдруг стало чего-то не хватать, и многие из них стали «остепеняться». Дело в стране встало на поток, возник преискурнт, сколько стоит защита диссертации. Так возникла беда, которая размывала нашу науку. Люди, которые ступали на этот путь, как правило, могли подать себя, были успешными в других сферах деятельности, но была ли там наука? Я присутствовал на заседании диссертационного совета в одном сибирском городе, где на защите возникла перепалка между диссертантом и одним из присутствующих в зале, кто у кого больше украл денег.

На этом фоне вывод простой: нельзя сдаваться. Но нам для того, чтобы противостоять, нужно выставлять к себе более высокие требования. К тем диссертациям, которые будут у нас защищаться, требования должны быть выше. Не как при коммерческой подготовке. Нужно своего рода очищение рядов. Все реформации ВАКа, наверное, на это направлены. В связи с этим внутренние реформации на зрели и у нас. В целом, как идею, я их позитивно воспринимаю: претензия на кардинальные изменения, отношение науки и государства, оценки научного труда, ПРНД и т.п. Да и деньги, наконец, стали приходить, какие-никакие. Не зажируешь, но уже, если правильно их распределять для тех, кто работает честно, серьезно, тогда это распределение через надбавки дает возможность наладить как-то жизнь, если не говорить о приобретении жилья, повышенном комфорте, но, если это уже есть, то поддерживать средние условия жизни можно.

Но в целом, пока четко сформулировать, чего хочется, не удастся. Понятно, что институт должен быть дееспособной единицей, нацеленной на решение концептуальных задач. Надо обойму этих задач сделать, и из этого будет понятно, какие направления нужно развивать.

Сегодня у нас порядка 320 человек, но основную работу, как в движении вперед, так и при выполнении конкретных прикладных разработок, делают, может быть не более 40 человек. Но это работа на износ. А хотелось бы, чтобы все 300 человек работали. Нужно жестче делать оценки. Этот процесс пошел, и это радует. Хотя все это небезобидно.

Вот пример – журнал «ЭКО»: он потерял темп. Долгое время он был лучшим изданием в Союзе, которое препарировало опыт передовых предприятий. Научно осмысленный. Теперь для такого анализа опыта есть много разных журналов, сильно продвинутых, начиная с Эксперта, Коммерсанта. Но замысел-то другой. Ведь не зря же был нужен «ЭКО»? Тысяч 70 был тираж. А сейчас? Во много раз упал. Это показательно, ну, может быть, сейчас и время другое.

Другой пример. Мы (институт) сильны своей методологией и системным подходом. В крупных работах (Стратегия развития Сибири, Транспортная и Энергетическая стратегии развития страны и др.) Институт является основным исполнителем. В прикладных исследованиях по региональной проблематике сейчас возникло много конкурирующих фирм, предлагающих свои услуги по разработке прогнозных документов развития регионов. И здесь мы часто проигрываем им. Может быть, из-за того, что они более энергичные. Может быть, они используют более современные методы продвижения товара, рекламу себя. Может быть, мы менее себя позиционируем. Вот в этих конкурентных играх мы не всегда выигрываем. Когда возникает что-нибудь серьезное, наверное, да, мы выигрываем, а в массовых случаях – проигрываем.

Сейчас ситуация улучшается, благодаря разработке Институтом стратегии Новосибирской области. Она удалась. Финансовых дивидендов мало, но моральный капитал, политический вес это дало. Все поняли, что Институт – это серьезно. Эти оценки работы прозвучали и в Москве при защите в Правительстве этой работы.

– А какие условия, помогают Вам в работе?

– Начну издаleка, нащупывать будем потом. Конкретно. В свое время я несколько лет был председателем Совета молодых ученых института. Мы проводили обследование молодых. И один из вопросов звучал следующим образом: какие условия стимулируют в работе? И конкретные подсказки были для определения критериев. Отсутствие жилищных условий мешают? Все сказали, мешают. Кроме одного. Один человек ответил: «Стимулирует. Плохие жизненные условия стимулируют». Поэтому однозначного ответа нет.

Запомнился из этого обследования ответ и на другой вопрос: «А что вам нужно для полного счастья?» Какая зарплата вас удовлетворяет. Человек, будучи м.н.с.-ом, сидел на потолке в 120 рублей.

Так на вопрос, что ему нужно для счастья, сказал – 135 рублей. Смешно. О дальних перспективах тогда и не думали.

– Что помогает?

– Так вот, что мешает? Мешает наша бюрократия.

– Мы всегда в критику. А если подойти позитивно? Что помогает? Можем мы из негатива сделать позитив? Хорошо, какая бюрократия?

– Может быть, мои взгляды обусловлены моей должностью. Отчетность большая. Бесконечная отчетность. Большая иерархия формальных управленческих структур. Есть Отделение общественных наук, в нем секция «Экономика», Президиум СО РАН, Объединенный Ученый совет по экономическим наукам, институтский уровень. Все это транслируется с уровня на уровень. Очередной уровень не сам делает, а передает ниже. Все это начинается сверху, докатывается до нас, конкретных людей. Все требуют отчетности. Приходится порой заниматься саботажем, иначе получается, что некогда работать. Вполне возможно, что тот, для кого это делается, сам не является действующим научным сотрудником. А на моем уровне не получается. Не будешь действующим, ничего не получится. На это работает конкретный механизм – ПРНД, требуются показатели. А мой личный ПРНД лучше, чем как руководителя. Да, а чтобы стимулировать работу на отдел, расчет ведется так, что мне нужно работать хуже. Мне, например, посчитали в личный зачет – 700 баллов, но по методике, с учетом ПРНД сотрудников отдела, потом снизили до 400, остальное срезали. Но будет ли иметь какой-то авторитет тот руководитель, у кого личные достижения будут меньше других? Ну, это ладно. Это отчасти решаемо.

Сейчас отдышаться невозможно. У меня из 20 позиций выполнения плана 18 пришлись на ноябрь. Раньше до марта занимались планированием, на полгода все это было растянуто. А теперь и отчет, и планы – к 1 декабря. Там, где можно не доработать, не дорабатываем. Качественное представление результатов не удастся. Это неправильно. В принципе, это можно сделать. Ну, пример такой: «буржуи» едут в командировку, у них отчетности нет, им доверяют. А у нас все больше и больше отчетности. Это общий аспект нашей жизни – неправильная бюрократизация.

– Понятно. А что помогает?

– Помогает общее понимание – что нужно для успеха? Для успеха нужно немного. На самом деле, в том окружении, которое есть, стараться на полголовы быть выше, чем остальные. Тогда тебя просто по законам броуновского движения как более энергичную молекулу выталкивает выше.

Мешает еще отсутствие научных обсуждений. То же можно сказать про внешние контакты. Но внешние контакты бывают чаще – они нарабатываются со временем и сами по себе поддерживаются, если дорастешь до определенного уровня. Рецензии, отзывы, отчеты... это худо-бедно налажено – естественные контакты. А вот внутренние, научные – их не хватает. Где-то чуть получше, где-то хуже. Был цикл активности в нашем отделе, был в начале и у вас. Сначала Новоселов пытался изменить ситуацию, а потом затихло. Вроде есть такая потребность, вроде нужно. А потом возникает чувство, что это все для галочки. Заставить людей не удастся. Все происходит формально. Конечно, все погружены в свои дела. Но это неправильная ситуация. Есть неформальные, неформализованные связи, исследования близкие: образовательные или тематические, или для каких-то работ. Есть разные дела – не через план, не через дирекцию. Нужно разнообразие. И сами чувствуем – чем более разнообразнее профессионально коллектив, тем лучше. А сейчас в нем что-то умирает. Меняются первоначальные цели, из-за чего интерес и сплоченность сложившегося коллектива растворяются. Не хочу называть конкретные примеры. Но их было несколько.

Что помогает? Стиснуть зубы и преодолевать. Браться надо за дела, в которых ты видишь конец, может быть, даже неясный. И уверенность, что ты выполнишь нужный для результата уровень работы: люди рядом, и ты сам – сможем ли получить первые результаты, причем достаточно оперативно? Если это ощущение есть, то все в порядке. Чтобы это было – нужно все предыдущее: информация, связи. И очень много зависит от человеческого фактора, отношения в команде и с заказчиком.

– Нужно ли предпринимать шаги для совместных семинаров по региональной экономике?

– У меня лично нет такой необходимости. Наука – дело интимное. У меня лежит папка задумок. Это целые запасники идей, накопленных за многие годы. Их нужно реализовывать. Например, в моей статье в 4-м номере журнала «Регион: экономика и социология» за 2007 г. наконец-то более-менее полно описаны результаты, полученные еще лет 10–15 назад. Еще много такого рода наработок ждет своего часа. Сошлись бы желания, возможности и потребности в их развитии.

Но как общественный заказ, как место для роста молодых, такие семинары, конечно же нужны.

5.6. Сорок лет пути от Сибири до Канады

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич
д.э.н., зам. директора по научной работе

– Вячеслав Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, какая у Вас самая замечательная история из вашей научно-исследовательской работы в институте?

– Трудно сказать, какая самая замечательная история. Так получилось, что я работаю по многим направлениям. В секторе, которым руководил Александр Григорьевич Гранберг, и куда я пришел после окончания экономического факультета НГУ в 1970 г., была очень интересная, творческая работа, которая касалась разработки методологии, теории и практики межрегионального моделирования. И тот первый опыт расчетов по межрегиональной модели, которые, безусловно, делались не одним человеком, а достаточно большой группой молодых исследователей – он, безусловно, останется в памяти. Такая работа приучила нас работать в коллективе. Это, во-первых. Во-вторых, мы все были направлены на выполнение какой-то единой цели. В рамках работы по реализации межрайонной модели у каждого из нас были определенные обязательства, но у всех была общая идея.

В ходе работы мы использовали разные подходы, и в первую очередь вспоминаются исследования, связанные с использованием межотраслевых балансов – как страны в целом, так и отдельных республик и экономических районов. Это была очень трудоемкая работа (в том числе – связанная с поиском ошибок в исходной информации, в различных балансировках и т.д.), но, в то же время, несмотря на ее рутинность, она доставляла определенное удовольствие. Конечно, даже в то время, когда в стране основным видом вычислительной техники были канцелярские счеты, мы старались «механизировать» наш труд и использовали специальные программы, написанные в машинных кодах, для оптимизации рутинной работы с информацией, содержащейся в отчетных межотраслевых балансах. Представьте себе: нужно было обработать информацию по 100–110 отраслевым балансам по всем союзным республикам и по ряду экономических районов за ряд лет – это был адский труд! Но, работая с цифрами, мы старались больше понимать экономические процессы, выявлять специфику отдельных отраслей и регионов, лучше воспринимать систему межотраслевых и межрегиональных взаимодействий.

Работа по межотраслевым балансам имела два основных практических выхода. Во-первых, систематизация всех региональных (точнее – республиканских) межотраслевых балансов дала возможность по-

новому подойти к оценке сложившегося в то время отраслевого и территориального разделения общественного труда (пользуюсь терминологией тех лет). Иными словами – оценить сложившуюся отраслевую и территориальную структуру производства и главное – выявить систему прямых и косвенных межотраслевых и межрегиональных взаимодействий. Такого рода исследования (обобщенные в монографии «Межотраслевые балансы в анализе территориальных пропорций СССР», Новосибирск, Наука, 1975) были выполнены впервые в СССР, и они получили большой резонанс в среде коллег из науки. И поскольку в этой работе мы также показали (и доказали) дефекты советской статистики, статорганы фактически «отлучили» наш коллектив от получения межотраслевой информации (то, как нам приходилось «выкручиваться» в этих условиях, это, как говорят – «особая песня»).

Во-вторых, информация по межотраслевым балансам использовалась как основная нормативная база для различных типов межотраслевых межрегиональных моделей. Так, я сконцентрировался на построении межрегиональных межотраслевых балансов (в 1983 г. эту работу мы обобщили в монографии «Межрегиональные межотраслевые балансы», Новосибирск, Наука), и это тоже были пионерные исследования. Но основной полигон для использования информации межотраслевых балансов – это была знаменитая ОМММ – оптимизационная межрайонная межотраслевая модель, которая стала одним из «брендов» нашего Института.

Если говорить про позитивные воспоминания и результаты, то все они вспоминались недавно, когда праздновали 40-летие со дня получения первых расчетов по межрайонной модели. На этой встрече-конференции все было проникнуто этими воспоминаниями о работе на единую цель. Мы чувствовали себя членами одного творческого коллектива. Ну, естественно, тогда была молодость, энтузиазм, они накладывали свои отпечатки на нашу жизнь, на нашу работу. Этот период, безусловно, является очень интересным моментом в творческой биографии всего коллектива нашего сектора и меня лично.

Вспоминаются также работы, которые находились на стыке разных направлений и различных подразделений нашего Института. Среди них, например, работа, связанная с оценкой последствий переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Эти работы выполнялись коллективом д.э.н., профессора Роберта Исаковича Шнипера и шли в рамках работ по так называемому Срединному региону СССР (широтный макрорегион, объединяющий районы Сибири, Казахстана и Средней Азии). В рамках этой работы налаживались достаточно тесные контакты с нашими среднеазиатскими коллегами и коллегами из Казахстана.

Немного отвлекаясь, хочу сказать, что в молодые годы всем нам очень многое дало участие в различного рода всесоюзных конференциях, семинарах и совещаниях. У советских регионалистов (особенно имеющих отношение к разработке и использованию межотраслевых балансов) такие конференции организовывались регулярно, каждый год в столице одной из республик или экономических районов СССР, и мы были их участниками. Это дало нам возможность не только по-видать страну, но и общаться с очень сильными учеными и интересными людьми. Это была серьезная жизненная школа, важная для нас – молодых ученых. Ведь очень квалифицированные люди приезжали на эти форумы – и из союзных республик, и из Москвы. Это были как ученые из системы Академии наук СССР и академий наук союзных республик, так и из соответствующих экономических институтов республиканских и союзного Госплана. Можно сказать, это был сплав региональной науки и практики. Мы, молодые ребята, встречались с такими нашими старшими коллегами как, например, д.э.н. Ф.Н. Клоцвог, д.э.н. Э.Ф. Баранов – признанными корифеями межотраслевых исследований. Общаясь в их круге, мы у них учились, но и надо сказать, сами подавали какие-то идеи. Интересно, что нас воспринимали в этой среде как равных, но мы понимали, что за нами – репутация и научная мощь всего нашего Института.

Кстати, из нашей молодежной среды, принимавшей активное участие в этих форумах, вышли очень интересные люди (Андрей Нечаев – будущий министр экономики РФ, Андрей Вавилов – будущий первый заместитель министра финансов России и т.д.).

Много конференций и семинаров мы провели в столицах среднеазиатских республик, в Алма-Ате, приобрели много друзей, и нам тогда казалось – что это навечно. Но жизнь внесла определенные коррективы.

Итак, возвращаясь к нашему межотдельскому взаимодействию в институте, связанного с «переброской сибирских рек», у нас возникла очень серьезная задача – дать такую комплексную оценку последствий переброски части стока сибирских рек, которая бы удовлетворяла нас не просто с точки зрения обычной логики, а предоставляла доказательства эффективности ее реализации или ее необоснованности. Здесь нужно было использование достаточно строгого модельного аппарата. И объединение усилий двух отделов института дало свои результаты. Традиционно коллектив Р.И. Шнипера в большей степени сосредотачивался на методологических аспектах развития регионов, на вопросах, связанных с их воспроизводственными процессами. С точки зрения моделирования лидером, конечно же, был другой коллектив. И вот мы (в ту пору я уже был заведующим сектором, которому А.Г. Гранберг доверил руководство своим детищем, – это, надо

сказать, явилось для меня полной неожиданностью, я считал, что есть более достойные кандидатуры) – совместно приступили к оценке вариантов «переброски» части стока сибирских рек с использованием ОМММ. Это была непростая работа, но мы получили результаты, которые были включены в крупный комплексный доклад Сибирского отделения АН СССР, и где мы показали, что последствия от реализации такого крупного инвестиционного проекта могут быть неблагоприятны для развития регионов Сибири и страны в целом. Но, что самое интересное, мы показали, что в силу особых межрегиональных межотраслевых взаимодействий, негативные последствия могут произойти, в том числе, и в республиках Средней Азии и в Казахстане. Хозяйственный комплекс этих республик просто бы не выдержал такой серьезной инвестиционной нагрузки. Конечно, в модели мы не смогли учесть в полном объеме экологические ограничения. Введение в модель таких ограничений, конечно, скорректировало бы результаты, но конечный вывод остался бы прежним.

Проведя эти модельные эксперименты, мы получили более четкие доказательства экономической нецелесообразности осуществления такого проекта, и они существенно обогатили общий научный доклад, подготовленный под руководством Р.И. Шнипера, в котором содержался анализ проблемы водообеспечения Казахстана и Средней Азии, и предлагались альтернативные варианты решения этой проблемы, не затрагивающие крупномасштабное перераспределение водных ресурсов. Таким образом, Сибирское отделение АН СССР смогло выступить в числе серьезных оппонентов проекта переброски стока сибирских рек и, это в немалой степени повлияло на то, что «наверху» (т.е. в Политбюро ЦК КПСС) было принято решение о прекращении строительства этого канала (хотя в республиках Средней Азии эти работы уже фактически начались).

Поэтому когда мы часто и необоснованно слышим упреки в адрес экономистов – что экономисты вечно во всем виноваты, они затеяли перестройку, ввели «дикий» рынок и т.д., я могу сказать, что наш коллектив и я лично оправдали свое существование хотя бы тем, что наши исследования, оценивающие этот проект, в немалой степени способствовали тому, что страна не втянулась в эту очередную авантюру.

То есть это был интересный пример объединения усилий творческих коллективов нашего института на выполнение работы, которая имела не только академическое, но и серьезное народнохозяйственное и даже политическое значение. У нас, конечно, после этого появилось много врагов среди наших бывших друзей в среднеазиатских республиках. Нас там буквально клеймили позором и спрашивали, как мы простому дехканину посмотрим в глаза. Но мы прекрасно понима-

ли, что несмотря на чрезвычайную актуальность проблемы водообеспечения для этих территорий, выбор варианта переброски части стока сибирских рек – это видимое простое решение, которое подкреплено политическими спекуляциями; гораздо труднее заняться решением проблемы оптимизации отраслевой структуры хозяйства в Средней Азии, перехода на водосберегающие технологии в сельском хозяйстве, сокращение потребления хлопка в других отраслях и т.д. Давайте не будем забывать, что в прошлом СССР, когда принимались политические решения, часто даже не ставился вопрос: а сколько это будет стоить? Но уже тогда страна была в преддверии глубокого экономического кризиса, и через некоторое время она в нем оказалась. Сейчас всем очевидно, что в случае реализации этого проекта это были бы в прямом и переносном смысле слова деньги, ушедшие в песок. Сегодня на примере канала Иртыш–Караганда мы видим, какие негативные воздействия он оказывает до сих пор и на Омскую область, да и на другие регионы Сибири. Но это была бы капля в море по сравнению с крупномасштабным проектом переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Сегодня Ю.М. Лужков пытается «реанимировать» эту идею, но, как нам представляется, пока время для этого не пришло.

Вспоминаются первые международные контакты нашего сектора. Они были в существенной степени инициированы Марком Константиновичем Бандманом, который уже с 60–70-х годов имел очень сильный авторитет среди ученых-регионалистов многих стран мира. Мне в первую очередь вспоминаются те контакты, которые мы стали осуществлять с Польшей, и это было не случайно. Польские ученые традиционно считались одними из сильнейших в пространственной экономике и в экономической географии, у них был большой авторитет во всем мире, и через поляков мы хотели, как говорится, «открыть окно в Европу». Мне довелось быть ученым секретарем практически всех российско-польских семинаров (а мы их провели в общей сложности пять или шесть), и я с удовольствием вспоминаю общение с польскими коллегами и в процессе обсуждения программ семинаров, и во время их проведения, и, так сказать, в «неурочное время».

Мы очень ответственно к этому относились. Первые поездки за рубеж в советское время – это было, конечно, серьезным событием для каждого из нас, и не только потому, что выбраться за рубеж в тот период было, в общем, нелегко. Важно было осознание того, что наши работы воспринимаются там очень серьезно и что они не отождествляются с догматической советской экономической наукой. Потом была первая незабываемая поездка в Америку в составе чрезвычайно сильной делегации из Новосибирска, Москвы, Прибалтики и так далее.

5.7. Нужно переходить на путь инновационного развития, а ведь все делается наоборот

Суслов Виктор Иванович
член-корр. РАН, зам. директора
ИЭОПП СО РАН

– Самое яркое событие – это просто приезд сюда. Наш институт вначале практически на 100% был укомплектован людьми, приехавшими из европейской части страны. Причем было несколько волн. Самая большая волна была, конечно, когда институт организовывался. В то время директором института был Г.А. Пруденский, который, в значительной мере, пополнил его и местными кадрами. Потом пришел А.Г. Аганбегян, и с ним пришли новые люди. Среди них был Брин Израиль Давидович. Он был политэкономом. Долгое время он читал в университете политэкономия. Израиль Давидович сыграл очень серьезную роль в моей судьбе. Он был хорошим товарищем моего отца, а мой отец в начале 60-х годов был уже профессором в Ленинградском государственном университете на экономическом факультете. Причем, в те времена как раз начинал проявляться интерес к экономико-математическим методам, и в крупных ВУЗах начинали готовить людей под это направление. Мой отец был одним из тех людей, которые над этим работали в Ленинградском университете. Он, правда, не преуспел в экономико-математическом моделировании и методах, и остался, как он и был, статистиком, методологом науки. Так вот, он дружил с Брином Израилем Давидовичем, который в то время работал уже здесь, в Академгородке, и который агитировал моего отца тоже переехать в Академгородок. Здесь, говорил он, очень здорово. И, вообще, лучше, чем где-нибудь в Советском Союзе. Наверное, в то время в этих словах была истина. Наверное, такие оценки были в то время правильными – в Академгородке свободная атмосфера, огромное поле для творчества. Здесь не было идеологических нападок. А в то время в СССР начались разные идеологические запреты, это было время, когда тон задавали еще шестидесятники, но уже начиналась реакция. А здесь эта реакция шла с 5-летним лагом. В то время, когда уже везде всех людей зажимали, тут еще все было свободно. Здесь можно было свободно дышать. И мой отец, хотя ему тогда было 50 лет, и он был сложившимся человеком, устроившим свою жизнь, имеющим благополучную семью, работу, вдруг решил переехать в Академгородок, несмотря на то, что он жил тогда в Ленинграде, сейчас Санкт-Петербурге, преподавал в престижном университете. И вдруг он решил сорваться и поехать сюда, в Академго-

родок. Приехать, немного поработать и уехать. Но в итоге здесь он начал новую жизнь. И всю семью тоже сюда перевез.

Иван Петрович Суслов, мой отец, не стал центром кристаллизации каких-то идей или коллектива. Он работал в одиночку. Но он много работал. Писал замечательные книжки, по которым учились экономисты-статистики. Его до сих пор вспоминают добрым словом за те книжки, которые он написал, и за то, как он преподавал в университете. Недавно я с такой внутренней гордостью увидел, как на экономическом факультете, в университете, сделали галерею фотопортретов наших ведущих профессоров. Среди них есть и мой отец, Иван Петрович Суслов. Это очень приятно. Он писал замечательные книжки. Пользовался очень высоким авторитетом среди экономистов и в институте.

Отец сыграл очень заметную роль в развитии института. Если говорить о людях, которые приезжали в то время, их судьба в институте складывалась по-разному. Я, например, вспоминаю Михаила Яковлевича Лемешева. Он и сейчас замечательно работает, трудится. Он приехал в Академгородок уже после нас, но проработал здесь недолго и вернулся в Москву.

Виктор Константинович Озеров – он приехал в Академгородок значительно позже нас. Он был деканом экономического факультета НГУ. Он тоже оставил заметный след в нашем институте, но тоже уехал уже давно. До сих пор работает в Москве. Молодец, он уже в солидном возрасте, но тем не менее трудится. Многие уже ушли, как вы знаете, из тех, из той первой волны. Осталось... Ну, кто остался? Из тех людей первой волны остался только Константин Куртович Вальтух. Валерий Владимирович Кулешов – он ведь не из той команды, он из следующего по возрасту поколения, более молодых по сравнению с теми, которые начинали все это дело. Хотя он сейчас, конечно, в обойме. В обойме самых уважаемых экономистов страны. Академик и этим все сказано.

Я думаю, что моя жизнь пошла по более интересному руслу, чем, если бы этого шага не сделал мой отец. Когда это было? Сорок лет назад.

– Виктор Иванович, а какой, как Вы считаете, самый большой результат у Вас в работе?

– С самого начала работы в институте я попал к Александру Григорьевичу Гранбергу. И мы, я бы сказал, эволюционно развивались долгое время. Мы работали со знаменитой сейчас моделью ОМММ, проводили разные расчеты, в частности, прогнозные расчеты для Госплана. И, с моей точки зрения, в этом процессе, таком более или менее монотонно восходящем, были свои пики. Один из них был ини-

цирован приходом Саши Рубинштейна в наш сектор. Саша Рубинштейн в то время был очень целенаправленным молодым человеком. Его отец, Геннадий Шлемович Рубинштейн, был очень продвинутым человеком, математиком, и он хорошо наставлял Сашу на путь истинный. И вот он принес в нашу тематику совершенно новое, современное такое направление, связанное с игровыми подходами, с равновесием. Звучали фамилии Парето, равновесие по Нэшу, равновесие по Вальрасу, разные понятия: рынок такой-то, рынок другой. Это было очень интересно. Если мы до этого работали в основном с моделью ОМММ как с инструментом расчета оптимального плана, то теперь мы стали использовать эту модель как инструмент анализа рыночных отношений, анализа экономических взаимодействий регионов в рамках каких-то рыночных концепций. Это была уже настоящая экономика. Это была уже экономика по существу. Для меня это было серьезным толчком в работе. Я подхватил эту идею, стал над ней работать. Мне показалось... и сейчас кажется, что я очень серьезно продвинул нашу методологию, методику и, в какой-то мере, теорию экономических взаимодействий в этом направлении. На чем, собственно говоря, впоследствии я и защитил докторскую диссертацию.

– Виктор Иванович, если в двух словах, что дала ОМММ, и что дал Ваш новый подход?

– В первые годы, в годы первой реализации модели – это где-то первая половина 70-х годов – мы использовали модель как инструмент для получения оптимального плана. Нашей целью было получение решения. Получение решения для нас уже было серьезным успехом. А потом выросли вычислительные возможности, сначала тоже, конечно, не сильно. Какие у нас тогда были машины? М-220, потом пошли другие...

– Сначала вы, вообще, считали на БЭСМ-6, которая была на ВЦ?

– Нет, БЭСМ-6 была в Вычислительном центре (ВЦ). А мы первые модели реализовывали – в 2007 г. мы же праздновали юбилей, 40 лет со дня первой реализации ОМММ – так вот, мы считали вообще в Сибирском энергетическом институте (СЭИ). Немножко в СЭИ, немножко у нас на ВЦ. Но потом мы перешли на наши машины, которые стояли в нашем институте. И тогда появился новый всплеск, тот самый толчок новой идеологии – наполнение наших расчетов экономическим содержанием. Мы стали получать новые результаты, уже не точечные. Мы рассматривали области решения, свойства, области экономического равновесия. А потом, уже в рамках коалиционного анализа, мы стали проводить очень сложные эксперименты, связан-

ные с анализом. Анализ – это же расчленение системы, расчленение системы в совершенно разных смыслах и разными способами. Мы изучали взаимодействие регионов, делали выводы, связанные с распределением эффектов взаимодействия между регионами, построением эквивалентных состояний в межрегиональном обмене.

Во второй половине 80-х годов была очень актуальна тематика хозрасчета регионов, а мы могли не рассуждать об этом на словах, а могли посмотреть точные цифры, знали точные оценки, которые могли отличаться на 10% от реальных оценок. И потом, впоследствии, все наши расчеты фактически подтвердились – когда страна развалилась, и все посыпалось. Это все было количественно оценено еще в тех наших экспериментах.

– Развал был виден в расчетах?

– Мы изучали возможность. Мы не могли сказать, что так будет. Мы изучали «что будет, если...». И вот это «если» оказалось правдой. Когда считали, мы же не знали, что у нас будет Беловежская пуца, и что все связи между бывшими советскими республиками практически оборвутся. И что открытие внешней торговли практически будет затрагивать целые отрасли экономики России. У нас были такие варианты расчетов. Но мы не знали, что это произойдет. Нам было интересно делать разные расчеты.

Ну, и, конечно, следующий пик – это шок. Мы тогда, вообще, не знали, что делать, и как приспособить тот модельный аппарат, который у нас был, те модельные инструменты, которые мы разработали, к изучению новых проблем, которые стали актуальными. Мы предельно упростили аппарат. Ни о какой динамике тогда, в начале 90-х годов, и, вообще, в первой половине 90-х годов, ни о какой перспективе речь, конечно, не шла. Речь шла о каких-то сиюминутных действиях, возможных действиях правительства, скажем, в рамках коррекции внешней торговли, в рамках коррекции взаимодействий с нашими бывшими союзными республиками – такие расчеты мы делали.

Сейчас, уже в новом веке, мы постепенно возвращаемся к развитию аппарату. Мы сейчас начинаем заниматься дальнейшим совершенствованием расчетов, хотя идеология экономического взаимодействия теперь уже стран (бывших союзных республик) и макро-регионов России – она в целом сохраняется. Это рынок, это рынок в смысле Вальраса, в смысле Нэша, это обмен – неэквивалентный или эквивалентный – это распределение эффектов межрегионального взаимодействия. Это то, что было сделано, в значительной степени, мною уже в 80-х годах, и сейчас начинает снова использоваться.

– То есть Вы снова возвращаетесь к этим задачам?

– Мы сейчас работаем в основном с МЭРТом. МЭРТ – Министерство экономического развития и торговли, которым долго заведовал Г. Греф. Греф, наверное, и придумал это название. Им особых изысков в смысле рынков не нужно, но им нужны сценарии возможного развития России. Сейчас мы работаем над сценариями до 2030 г. Как может развиваться экономика? Как возникшие территориальные проблемы, пространственные проблемы, проблемы коррекции территориальных пропорции повлияют на макро-показатели развития России? Как они взаимодействуют? Как взаимодействуют факторы, определяющие макро-уровень, или работающие на макро-уровне, и факторы, работающие на уровне совокупности регионов? Вот чем мы сейчас занимаемся.

Их также волнуют вопросы: А как с энергетикой? Что нужно сделать, чтобы развитие экономики России в разрезе регионов в будущем было обеспечено и энергетической инфраструктурой, и транспортной инфраструктурой. Мы рассматриваем транспортные и энергетические проекты. Вот с этой совокупностью вопросов мы сейчас и работаем.

– А просматриваете ли Вы проблемы повышения фондовооруженности труда, чтобы догнать высокоразвитые страны, от которых мы сильно отстаем? Куда нужно в первую очередь вкладывать деньги?

– Это все известно. Для того, чтобы деньги вложить, их надо иметь. Это очень сложный процесс, и сейчас, когда у нас денег, на самом деле, избыток, и когда они используются крайне неудачно, это очень важный вопрос¹. Но даже тех денег, которые сейчас есть в России, если их вкладывать полностью в экономику и разумно вкладывать, чтобы не стимулировать инфляцию, их все равно будет не хватать, чтобы преодолеть технологический разрыв, существующий между развитыми странами и Россией. Хотя, поскольку Россия развивается все-таки быстрее, чем мир в среднем, и, особенно, развитый мир, скажем, сейчас экономика России растет на 6–7% в год, а развитый мир – на 2–3%, то разрыв сокращается. Но сокращается не так, как хотелось бы. И эти деньги, которые сейчас имеются в избытке, нужно бы правильно израсходовать. Но их только начинают расходовать.

В 2006 г. инвестиционных фонд был уже порядка 200 млрд рублей. Проектов, принятых в порядке софинансирования из этого инвестиционного фонда порядка полутора десятков, в том числе по Сибири. Там Нижнее Приангарье, Читинская область, Кызыльская дорога, Южная Якутия. Есть хорошие, интересные проекты. Ураль-

---

¹ Интервью давалось до начала кризиса в нашей стране.

ский проект – «Урал промышленный – Урал полярный». Но ничего же реально не происходит. Проекты приняты, деньги есть, но они не расходуются. Все, что было намечено израсходовать в 2006 г., перенесли на 2007 г. В 2007 г. истратили, я думаю, десяток миллионов. Может быть, сотню миллионов. Вот и все. То есть инвестиционный фонд пока не работает.

**5.8. Внимание начальства не нервировало, не удручало,
а, наоборот, вдохновляло**

Харитоновна Виктория Никитична

к.э.н., ведущий научный сотрудник

– Самый яркий период моей научной деятельности – 1982–1986 гг. Это был период формирования моего научного мировоззрения, молодого кандидата наук. Два важнейших события определили мои долговременные научные интересы:

Первое – мое участие в работе выездной сессии Научного Совета по проблемам формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в мае 1982 г. в г. Нижневартовске.

Второе – работа над созданием сетевой модели инвестиционной программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и подготовкой материалов к докладу акад. А.Г. Аганбегяна на выездной сессии Тюменского Научного Совета и ЗапСибМВТК при Госплане СССР, которая проходила в Новосибирске в июне 1984 г.

Как известно, в начале 1980-х годов стали угрожающе нарастать тенденции снижения эффективности нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. Освоение нефтяных и газовых ресурсов Тюменской и Томской областей требовало новых подходов к управлению как самим комплексом, так координацией формирования ЗСНГК и развития машиностроения, строительного комплекса, нефтехимии СССР. В 1981 г. по инициативе Академии наук и Госплана СССР Советом Министров СССР и ЦК КПСС было принято решение о разработке Целевой комплексной программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) на период до 1990 г. и перспективу до 2005 г. и формирования на его основе Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса (ТПК) на территории Тюменской, Томской и Омской обл.

К решению этих управленческих проблем были привлечены ведущие научные силы Академии Наук СССР, среди которых ведущая роль принадлежала нашему Институту.

Я глубоко благодарна своему научному руководителю, д.э.н. Б.П. Орлову, который пригласил меня, молодого кандидата наук, и обеспечил возможность моего участия в Выездной сессии Научного Совета по проблемам формирования ЗСНГК, проходившей на очень высоком уровне представительства научно-исследовательских и проектных институтов Москвы, Новосибирска и Тюмени, научных работников и специалистов по управлению ведущих министерств и ведомств. В ней наряду с учеными приняли участие ведущие специалисты и директора крупных производственных объединений нефтяной и газовой промышленности, так называемые «Нефтяные генералы»: зам. министра нефтяной промышленности СССР, начальник Главтюменнефтегаза Р.И. Кузоваткин, слава которого как покорителя Самоулора, была в то время сравнима с известностью покорителей Арктики, первый заместитель министра Миннефтегазстроя В.П. Курамин, Г.М. Кукуевицкий и др. Это были крупнейшие специалисты инженеры-организаторы, настоящие первопроходцы освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, «ходячие энциклопедии феномена XX века, как называл создание ЗСНГК д.э.н. Б.П. Орлов.

На сессии состоялось неформальное, откровенное обсуждение наболевших проблем хозяйственного освоения, плановых и управленческих стратегических ошибок, царила атмосфера доверия между наукой и хозяйственниками-управленцами, где откровенно обрисовывался масштаб экономических и управленческих проблем, обнажались внутренние механизмы межотраслевых противоречий, взаимодействий производственных объединений и министерств, которые носили системный характер. По-моему, это был период, когда хозяйственники и управленцы ждали от науки «хороших рецептов» в лечении системы управления. Организаторы выездной сессии предусмотрели и большую экскурсионную программу посещения нефтяных промыслов, буровых и промышленных площадок новых нефтяных месторождений и знаменитого Самоулора, Сургутской ГРЭС, газоперерабатывающих заводов, новых площадок городского строительства Радужного, Лангепаса, Сургута, речных портов и пристаней Среднего Приобья. Это были не прогулочные экскурсии, а продолжение семинаров на рабочих площадках. Беседы с рабочими, геологами, нефтяниками и членами вахтово-экспедиционных бригад из Белоруссии, Украины оставили неизгладимое впечатление грандиозности строительства и чрезвычайно высокой интенсивности труда в освоении огромных пространств в сжатые сроки. Запомнилась атмосфера открытости, с которой нас принимали буровые бригады, инженеры установок подготовки нефти, летчики. Рабочие-операторы, строители обладали хорошими знаниями не только собственного узкого дела, но

и делились собственными очень грамотными представлениями о том, что надо улучшить в организации производства, в городах, в деятельности советских и партийных органов.

Попутно замечу, что четверть века спустя, в 2007 г. мне посчастливилось посетить Ковыктинское газоконденсатное месторождение как участнику рабочей группы экспертов по оценке воздействия на окружающую среду газопроводного транспорта. Меня поразила смена общественно-психологического климата рабочей среды. Нам не удалось построить беседу ни с одним работником буровой бригады, не получив предварительной санкции от бригадира и инженера на беседу. И даже после разрешения скованность и закрытость преодолеть не удалось.

Спустя 2–3 месяца после Выездной сессии Научного Совета по инициативе академика А.Г. Аганбегяна наш Институт взял на себя задачу разработки модельного комплекса перспективного планирования и управления реализацией Целевой комплексной программы ЗСНГК. Осенью 1982 г. по распоряжению А.Г. Аганбегяна и при его непосредственном научном кураторстве был создан творческий коллектив по разработке сетевой модели ЗСНГК из молодых кандидатов наук, имевших опыт разработки и апробации сетевых моделей хозяйственного освоения зоны БАМ: А.А. Кисельников, А.С. Севастьянова, Г. Мошляк, И. Рузманова, в газовой промышленности – Н.И. Пляскина, инвестиционных программ формирования промышленных узлов Среднего Приобья и Уренгойского промузла В.Н. Харитонов, В.И. Скоробогатова. Я была очень рада приглашению на работу в этом коллективе.

Научно-организационное руководство разработкой сетевой модели и модельным комплексом перспективного планирования ЗСНГК осуществлял д.э.н В.В. Кулешов, в то время заместитель директора по науке и одновременно заведующий отраслевым отделом Института. В течение года такая модель была создана. Это было время огромного творческого азарта и вдохновения от грандиозности проекта у всех членов нашего творческого коллектива. Безусловно, большую роль играл и определенный «модельный романтизм», но главное – было чрезвычайно интересно работать в большом научном коллективе в атмосфере благожелательности и дружбы, полной самоотдачи и практически ежедневно ощущать искреннюю заинтересованность акад. А.Г. Аганбегяна, В.В. Кулешова в наших творческих успехах. Важно, что в коллективе не было духа соперничества, преобладал дух единой слаженной команды. Внимание «начальства» не нервировало, не удручало, а наоборот, вдохновляло. Это, на мой взгляд, большое искусство эффективной организации научных исследований.

Всегда были полезны наши рабочие встречи и семинары с математиками – Э.Х. Гимади, В.Н. Гончаровым, В.В. Залюбовским. Сетевую модель, работающую в режиме управления, ждали как дитя. ЗапсибМВТК при Госплане СССР возлагало большие надежды на нее как на инструмент реального управления, согласования ведомственных планов капитального строительства в ЗСНГК, как своего рода аргумент иллюстративности и доказательности необходимости межотраслевой координации, чтобы действительно повысить эффективность формирования ЗСНГК.

– Какие условия помогли работать с большим подъемом?

– Прежде всего, высокий уровень организации научных исследований и обеспечения информационными материалами, прогнозными и проектно-аналитическими материалами отраслевых институтов. И в этом была непосредственная огромная заслуга директора Института академика А.Г. Аганбегяна и заместителя директора по науке д.э.н. В.В. Кулешова. Говоря современным языком, сетевая модель была междисциплинарным интеграционным проектом Сибирского отделения Академии наук, результатом плодотворного сотрудничества Отдела кибернетики Института математики, творческого коллектива под руководством д.т.н. Э.Х. Гимади и нашего творческого коллектива.

В.В. Кулешов много уделял внимания семинарам с математиками, разработке идейных решений и постановке содержательных задач по технологии планирования, их взаимосвязей с управленческими задачами и задачами автоматизации плановых расчетов в перспективном планировании. Он организовал и проводил регулярный, на первых порах еженедельный, рабочий семинар по разработке сетевой модели, а в дальнейшем и семинары по проблемам ревизии и адаптации отраслевых моделей для перспективного планирования ЗСНГК и отображения его взаимосвязей в моделях СОНАР, топливно-энергетического комплекса в многорегиональной межотраслевой модели, программного строительного комплекса.

Таким образом, в процессе непосредственной разработки сетевой модели мы не замыкались только на внутренней задаче моделирования инвестиционной программы, но в ходе обсуждения промежуточных результатов с ведущими учеными института имели возможность определиться с направлениями корректировки как сетевой модели, так и постановок аналитических, прогнозных и управленческих задач в процессе создания сетевой модели, а не на заключительной стадии рецензирования полученных результатов.

Особенно запомнились семинары с жаркими полемичными выступлениями д.э.н. Е.Б. Кибалова, который просвещал нас в методологии сценарного анализа и системного подхода, всегда спокойные,

глубокие и содержательные замечания и предложения В.В. Кулешова, искренне заинтересованные вопросы и обстоятельный анализ проблем управления заведующего Тюменским отделом СО РАН – С.Н. Старовойтова.

Перед нами, разработчиками сетевой модели, были открыты двери Тюменских научно-исследовательских и проектных институтов, но и ВНИИ КТЭП, Института комплексных транспортных проблем Госплана СССР, СОПС при Госплане СССР, Института Экономики и Управления МИНнефтегазстроя СССР. С помощью наших коллег из Тюменского отдела и руководителей ЗапсибМВТК мы получали в свое распоряжение результаты технико-экономических прогнозов развития отраслей ЗСНГК, генеральные схемы развития отраслей промышленности и транспорта, энергетики – добротные материалы, на основании которых можно было строить модели, адекватные технологиям перспективного планирования. Во время командировок в эти учреждения мы не испытывали чиновничьего произвола и холодного приема. Более того, принимавшие нас сотрудники заинтересованно обсуждали наши подходы, гипотезы, ожидаемые результаты.

В целом об уровне научно-организационной работы говорит сама за себя высокая слаженность работы больших коллективов, нацеленность на конечный результат. В немалой степени она обеспечивалась постоянным заботливым вниманием В.В. Кулешова по созданию благоприятных условий в текущей деятельности для межотдельского коллектива. И конечно, очень важным было неформальное научное кураторство директора института А.Г. Аганбегяна, который периодически в ходе разработки интересовался промежуточными результатами, задавал направление дальнейших исследований. Запомнилась ярко наша беседа с Абелом Гезевичем при подготовке доклада Тюменскому Научному Совету. Со свойственной только ему ясностью и простотой изложения он обсуждал с нами, молодыми учеными, значимость наших результатов для оценки напряженности баланса капитальных вложений СССР на период до 2000 г., позиции страны на мировых рынках углеводородов, доказательность наших прогнозов влияния ограниченности инвестиций на сроки выхода на Ямал. Запомнилась исключительная свобода обсуждения, авторитет академика не сковывал, а наоборот, пробуждал новые направления рассуждений и выводов.

– Что помогало Вам лично в этой сложной работе?

– Хороший творческий коллектив, члены которого стали моими самыми близкими друзьями. Вера Скоробогатова, Нина Пляскина, Ася Севастьянова. Работа носила прикладной характер, собралось много

людей с опытом работы в математике. Постоянное обучение – много узнаешь нового, умение моделировать, и было рабочее применение, Много приходилось читать, искать обоснования, нужные материалы, работать с отраслевиками из Нефтегазстроя – проникать в самую кухню управленческих решений.

Я искренне считаю, что именно в этой работе у меня был качественный скачок в научной работе. Я колоссально обогатилась новыми знаниями. Очень благодарна к.г.-м.н. Л.А. Бондаренко, которая буквально обучила меня в области организации геологоразведочных работ, структурирования процесса воспроизводства минеральной сырьевой базы. Ее систематизированные знания пригодились мне во всей дальнейшей научной работе. Непосредственное сотрудничество с математиками – д.м.н. Э.Х. Гимади, Е.Н. Гончаровым, В.В. Залюбовским, – способствовало развитию умения абстрагироваться от деталей и перестать идеализировать модели. И, безусловно, огромную роль играли обсуждения в рабочем режиме наших результатов, постановок задач с руководителями целых научных направлений, ученых, имевших заслуженный авторитет: д.э.н. Б.П. Орловым, д.э.н. В.В. Кулешовым, д.э.н. Е.Б. Кибаловым.

Надо сказать, что наша работа вызывала искреннюю заинтересованность других ведущих ученых Института. Так, нашу первую статью по результатам сетевой модели, представленную в журнале «Известия АН СССР», серия общественных наук, в начале 1985 г., рецензировала академик Т.И. Заславская. Содержание ее очень конструктивных замечаний было направлено на улучшение изложения текста, расстановку акцентов на новых результатах, на то, чтобы показать значимость с точки зрения ожидаемых долговременных социально-экономических эффектов формирования ЗСНГК.

И конечно, немаловажное значение имели материальные поощрения, премии. Их абсолютный масштаб хотя и несоизмерим с сегодняшними мерками, но сам факт премирования за результат имел огромное моральное значение. Энтузиазм молодых поддерживался руководством Института.

– Какие качества лично в Вас помогли больше всего?

– Упрямство, целеустремленность, любознательность, познавательная азартность и коллективизм. Немаловажный фактор – идеализация ценности наших экономических исследований для планово-управленческого аппарата. Было приятно осознавать, что мои знания пригождаются. Мне очень было важно, чтобы мои знания получили признание, применение.

– Что еще помогло? Вернее сказать, кто помогал?

– Моя семья. Отец, Цыбинов Никита Яковлевич, учитель по профессии, страстный поклонник науки и патриот-коммунист, был всегда моим идейным вдохновителем. Мой муж, Харитонов Владимир Григорьевич, тоже учитель, который относился с глубоким искренним уважением к моей работе (что не мешало ему надо мной подшучивать), и предоставил мне возможность трудиться с полной самоотдачей, забирая на себя немалый груз бытовых задач и уделяя много внимания, времени воспитанию сына.

– Можно ли работать так всегда?

– Наверное, нет. Слишком много душевных сил требовала эта работа. Она была уникальна и по востребованности, и по масштабности, и по затратам. Однако я счастлива, что в моей жизни был такой проект. В нем огромный положительный опыт создания атмосферы коллективного научного труда, слаженности и синхронности работы отдельных подразделений при реализации больших проектов под руководством крупных ученых.

Союз крупных ученых и молодых научных коллективов, по-видимому, и определяет творческий успех в решении задач такого масштаба. Он создает взлет творческой атмосферы, когда семинар – это не просто отчет о проделанной работе, а выработка коллективного решения, что делать дальше и определение первоочередных задач, приоритетов в дальнейшей работе. И здесь крайне важна роль неформального участия руководителей фундаментальных направлений. Это, на мой взгляд, очень экономит время, не позволяет заикливаться молодому коллективу или ученому на своих узких проблемах и задачах. Несмотря на то что был постоянный цейтнот в процессе работы над сетевой моделью, не было ощущения тупика и неуспеха, так как регулярные семинары открывали дорогу дальше.

В 2001–2002 г. был в моей жизни Ренессанс творческой атмосферы и масштабности работы под руководством акад. А.Э. Конторовича и член-корр. РАН В.И. Сулова при разработке Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа во взаимосвязи с Энергетической стратегией России на период до 2030 г.

В период реформирования науки, мне представляется, Институт больше времени стал уделять приложению ранее накопленных знаний в силу снижения доли бюджетного финансирования фундаментальных разработок. Гранты научных фондов и договорные работы по заказу сторонних организации несопоставимо меньшие как по масштабам и охвату задач, так и по финансированию.

В наше время есть и другое коренное отличие – там было время поработать над модельным аппаратом, нынче, как правило, на это

времени недостаточно. Краткость, сжатость сроков выполнения заказных работ влечет за собой усиление прикладной направленности в ущерб глубине теоретических обобщений. Вторая сторона – сокращается численность творческого коллектива, что повышает нагрузку на одного человека и, на мой взгляд, порождает определенную замкнутость научных коллективов.

Сужаются возможности альтернативных оценок и обсуждения результатов, преимуществ «мозгового штурма» для развития методологии исследований.